М 24/890
1720

МОИ ЧЕТВЕРОНОГІЕ и ПЕРНАТЫЕ ДРУЗЬЯ.

ЗООПСИХОЛОГИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

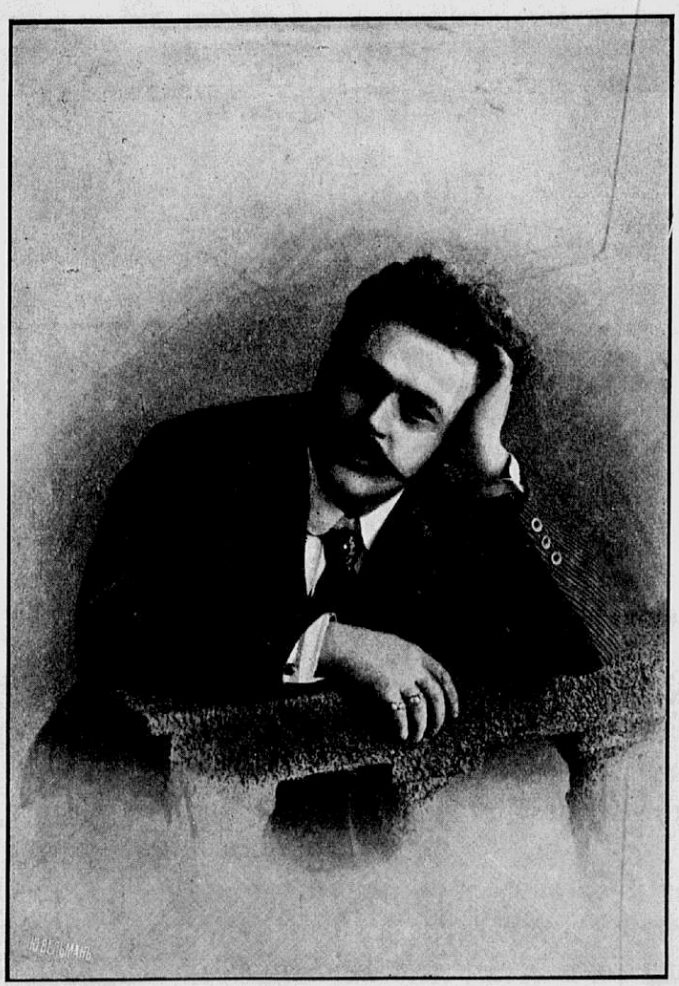
Владиміра Леонидовича

Дурова.

(Старшаго).

МОСКВА.
Типографія К. Л. Меньшова, Арбатъ, Никольскій пер., д. 21.
1912.

Московская
Библиотека
имени
В. И. Ленина
(р-17 358-35



Владиміръ Леонидовичъ Дуровъ (Старшій).

ВСТУПЛЕНІЕ.

Смерть и тартаръ! Эти люди,
Эти сверхъ-аристократы,
Какъ дворяне, смотрятъ дерзко
Сверху на другихъ животныхъ.
Развѣ нѣтъ собакъ ученыхъ?
И коней, что счетъ считаютъ
Лучше всякихъ коммерсантовъ?
Иль не барабанитъ заяцъ?..
Иль ослы не критикуютъ?
Обезьяна не играетъ
На театрѣ? И мартышка
Развѣ не великій мимикъ?

Г. Гейне. Поэма „Аттатроль“.

„Скажите, господинъ Дуровъ, какъ это вы могли выдрессировать глупыхъ животныхъ?“

„А какое животное, по вашему, умнѣе другихъ?“

„А какъ это вы справились съ упрямымъ осломъ, поющимъ у васъ по командѣ?..“

Такими и многими другими вопросами меня постоянно забрасываетъ публика въ антрактахъ. Вопросовъ такъ много, а времени такъ мало, что приходится, къ сожалѣнію, отдѣлываться краткими репликами.

Въ виду этого я и рѣшаюсь въ настоящемъ очеркѣ дать отвѣтъ на запросы публики.

Прежде всего, сопоставимъ отношеніе человѣка къ животнымъ и животныхъ къ человѣку. Понимаютъ ли люди психику животнаго, а животное человѣческую?

Охъ, далеко нѣтъ!

А въ этомъ-то, и только въ этомъ, состоитъ все искусство обученія животныхъ: *человѣкъ долженъ познать душу животнаго и дать животному возможность понять себя.*

Какимъ образомъ познается животное?

Для этого, кромѣ длительнаго наблюденія и тщательнаго изученія индивидуальныхъ особенностей даннаго животнаго, необходимо, во-первыхъ, знакомство съ естественной средой, среди которой рождается животное и гдѣ протекаетъ его жизнь (ибо внѣшнія условія его жизни накладываютъ отпечатокъ на внутреннія его свойства) и, во-вторыхъ, научное знакомство съ его „исторіей", съ его отдаленными предками.

Атавизмъ, напримѣръ, т. е. проявленіе у потомковъ особенностей ихъ отдаленныхъ предковъ, поможетъ намъ разобраться въ иныхъ поступкахъ животныхъ, которые не вызываются данной обстановкой, но которые, съ перваго взгляда, могутъ вызывать рѣзко несправедливое заключеніе объ умѣ животнаго...

„Какъ это вы могли выучить глупыхъ скотовъ?"

Да глупы ли они, спрошу я васъ? Съ точки зрѣнія животнаго мы, люди, куда глупѣе ихъ. И у нихъ такой же односторонній взглядъ на насъ, какъ у насъ на нихъ. Кошка, навѣрное, въ душѣ смѣется, когда

люди мечутся съ желѣзными кочергами по комнатѣ, а другіе вскакиваютъ на столъ и чуть ли не падаютъ въ обморокъ. И все это дѣлается изъ-за мышонка, котораго вотъ придавить бы ногой—и готово. А маленькій звѣрокъ, съ сильно бьющимся сердцемъ, ищетъ только выхода, куда бы удрать отъ вооруженныхъ великановъ. Кто здѣсь „умнѣе" изъ всѣхъ трехъ: человѣкъ, кошка или мышонокъ?

Какъ мнѣ отвѣтить на вопросъ, какое животное я считаю наиболѣе умнымъ?

Самый вопросъ я считаю неправильно поставленнымъ. Я даже не скажу, какъ это ни будетъ парадоксально, что человѣкъ „умнѣе" животнаго: онъ уменъ по своему, оно—по своему. Это не поддается сравненію. Не поддается также сравненію и умъ различныхъ животныхъ, ибо невозможно установить общій критерій, общую скалу, которой можно бы измѣрить умъ животныхъ.

Изучивъ индивидуальныя особенности животнаго, съ которымъ вы имѣете дѣло, среду, его воспитавшую, исторію его предковъ, вы, какъ въ открытой книгѣ, можете читать въ его душѣ.

Вотъ самый простой примѣръ.

Собака отрывисто, одинъ разъ (приподнявъ одно ухо) лаетъ: „амъ". Это означаетъ вопросъ. Протяжное, горловое „ау-у-у" (поднятая кверху морда)—тоска. Нѣсколько разъ повторенное нытье „мм"—просьба. Вилянье хвостомъ—радость. Книзу опущенный хвостъ—горе, виновность. Все это (мимика, дви-

женія, голосъ) и составляютъ „рѣчь“ собаки, которую мы расшифровали и поняли.

Теперь надлежитъ выяснить, какъ дать животному понять себя.

Собака, положимъ, просится изъ комнаты въ садъ. Царапаетъ дверь и вопросительно оглядывается на меня. Ясно, она выражаетъ желаніе, чтобы я всталъ изъ-за стола и открылъ ей дверь. Я встаю, подхожу къ двери и произношу съ одной и той же интонаціей слово: „гулять, гулять!“ или иное слово и выпускаю ее. Въ слѣдующій разъ стоитъ мнѣ произнести слово „гулять!“, какъ она бѣжитъ къ двери. Я понялъ языкъ собаки, и она начинаетъ меня понимать. Сначала запечатлѣвается въ головѣ животнаго однообразная интонація, съ которой произносится извѣстное слово. А потомъ уже слово запоминается собакой, какъ таковое. Произнесите со временемъ это слово другой интонаціей, и собака его пойметъ.

Вотъ вамъ первоначальная азбука дрессировки животныхъ. Чѣмъ больше вы будете „разговаривать“ съ собакой, тѣмъ лучше для нея. То же самое съ ребенкомъ. При рожденіи онъ—маленькое животное, которое не умѣетъ говорить и учится этому отъ васъ. Незамѣтно, все больше и больше онъ развивается и пріобрѣтаетъ все больше и больше понятій и словъ.

Приведу теперь примѣръ взаимнаго непониманія человѣка и животнаго.

Собака натворила что-нибудь въ комнатѣ. Вы приходите и замѣчаете это. Собака спокойно лежитъ

подъ диваномъ. Вы подходите къ ней съ выговоромъ, вамъ одному понятнымъ, и ударяете ее. Она недоумѣваетъ, за что вы ее бьете, ибо между совершеніемъ своего „проступка“ и вашимъ приходомъ прошло извѣстное время, въ теченіе котораго она успѣла позабыть свои дѣйствія, т. к. въ ея поступкѣ была лишь естественная необходимость.

Слѣдующій разъ—опять та же исторія. Вы приходите, хватаете ее уже за шиворотъ, причиняя боль, тащите къ мѣсту преступленія. Собака, не понимая вашихъ дѣйствій, инстинктивно упирается лапами и старается освободиться отъ мучительной боли. Вы тоже какъ бы теряете разсудокъ и, не помня себя отъ озлобленія, бьете ее куда ни попало. Собака визжитъ, недоумѣвая, за что любимый ею человѣкъ причиняетъ ей такую боль. Но вотъ новый ударъ, сильнѣе прежняго, заставляетъ ее уже не разсуждать, а въ страхѣ избѣжать болевыхъ ощущеній. Собака теряетъ разсудокъ. Умолкаетъ. Но на ее сыпятся вновь ударъ за ударомъ. Страхъ, заставлявшій ее вырываться, притупляется и уступаетъ мѣсто уже чувству самозащиты. Она начинаетъ инстинктивно огрызаться. Еще ударъ, и собака на васъ бросается. Вы разжимаете руку, ее державшую. И злость у собаки немедленно опять замѣняется трусостью. Тяжело дыша, высунувъ языкъ, она забивается въ уголъ, избитая и угнетенная, съ полнымъ непониманіемъ всего происходившаго.

Такъ человѣкъ и животное не сближаются, а расходятся, не понимая другъ друга. Виноватъ, конечно, прежде всего человѣкъ!

Какъ же я поступаю, когда собака провинится?

Если собака ведетъ себя неучтиво *не въ моемъ присутствіи*, я на это совершенно не реагирую.

Если же это происходитъ *при мнѣ*, то я, во время совершенія сабакой „проступка“ (съ человѣческой точки зрѣнія), произношу протяжный звукъ „тсссс...“, при чемъ смотрю ей прямо въ глаза и дѣлаю угрожающее движеніе всѣмъ туловищемъ. Можно примѣнять для порицанія и другіе способы, но необходимо, чтобы они всегда были одни и тѣ же. По глазамъ собаки, по ихъ выраженію, по движенію ушей и хвоста я вижу, поняла ли меня собака, и затѣмъ однотонно повторяю какое-нибудь слово нѣсколько разъ, подрядъ, предположимъ: „нельзя“. Собака поджимаетъ хвостъ, опускаетъ низко голову и виновато отходитъ. Поняла! Я продолжаю ее укорять: „какъ тебѣ не стыдно!“ или другой фразой.

Если собака совершила „проступокъ“ во второй, въ третій разъ даже не въ моемъ присутствіи, я указываю ей на „мѣсто преступленія“, восклицаю: „это что значитъ?“, производя въ то же время звукъ „тсссс“. И опять укоризненный выговоръ въ старой интонаціи. Мы другъ друга понимаемъ...

Многіе люди не только не понимаютъ психологію животныхъ, но и душу ребенка. За примѣрами ходить недалеко. Няня ведетъ за руку ребенка. У ребенка есть потребность поднести камушекъ ко рту. Няня рѣзко вырываетъ изъ его рукъ камушекъ, причиняя невольную боль ребенку. Хотя слегка, но все же

бьетъ по ручкамъ. Ребенокъ начинаетъ ревѣть и не слышитъ причитаній няньки. Подымающійся шумъ нежелателенъ нянѣ. Она старается перекричать ребенка, заглушить его плачъ. Ребенокъ уже хрипитъ отъ криковъ.

Няня и ребенокъ другъ друга не поняли.

Я рѣшительно отказываюсь понимать тѣхъ дрессировщиковъ, которые во многихъ случаяхъ прибѣгаютъ къ насилію, желая научить чему-нибудь животное. Бѣдняги мучаютъ и себя и животное. Какъ они мнѣ напоминаютъ эту няньку съ ребенкомъ! И если животныя все-таки у нихъ исполняютъ что-нибудь, то не изъ *сознательнаго* повиновенія, а *механически*.

Не лучше ли, цѣлесообразнѣе и человѣчнѣе примѣнять мой методъ дрессировки, вліяя исключительно на психику животнаго, до тонкости изучивъ особенности его характера, и во многихъ случаяхъ прибѣгая къ гипнотическимъ внушеніямъ, какъ это будетъ выяснено ниже?

Любовь, этотъ всесильный рычагъ всякой человѣческой дѣятельности, одна только любовь можетъ дать замѣчательные результаты и въ дѣлѣ обученія животныхъ.

Я хищность у звѣрей любовью укротилъ
И этимъ я могу предъ вами похвалиться.
Да, каждый мой звѣрокъ и добръ, и тихъ, и милъ,
И людямъ у него не грѣхъ бы поучиться!..

Въ заключеніе мнѣ хотѣлось бы указать на то, что въ послѣднее время вопросами дрессировки животныхъ начали живо интересоваться и люди науки.

Профессоръ Московскаго университета Н. Ю. Зографъ въ своемъ изслѣдованіи „Животныя-художники“ (1910 г.) говоритъ:

„Обученіе и дрессировка животныхъ до сихъ поръ еще не имѣютъ достаточно подробной и точной литературы и въ значительнѣйшемъ большинствѣ случаевъ совершаются по устнымъ традиціямъ. Между тѣмъ, въ интересахъ зоопсихологіи, было бы весьма желательно, чтобы и ученые экспериментаторы познакомились поближе съ этимъ дѣломъ, къ чему и стали склоняться въ послѣднее время нѣкоторые изъ представителей новѣйшихъ зоопсихологическихъ школъ. Въ Парижѣ при зоологическомъ садѣ Музея Естественной Исторіи (Jardin des plantes) образовалась даже зоопсихологическая лабораторія, завѣдующій которой, докторъ Гаше-Супле (Hachet Souplet), еще въ 1895 году выпустилъ книгу о дрессировкѣ животныхъ („Le dressage des animaux“), чуть ли не единственную сводку того, что дѣлалось и писалось въ этой области“.

Мнѣ очень досадно, что я не могу исчерпать всѣхъ затронутыхъ въ моемъ очеркѣ вопросовъ до конца, какъ бы мнѣ хотѣлось. Но я надѣюсь къ этому еще вернуться, ибо разсчитываю издать большую книгу о моихъ животныхъ, наблюденіяхъ надъ ними и способахъ обученія. Въ виду небольшихъ размѣровъ этотъ мой очеркъ страдаетъ излишней конспективностью и неизбѣжной пестротой содержанія.

I.

Собаки.

Многихъ интересуетъ вопросъ, какихъ собакъ считать наиболѣе смышлеными, какія породы наиболѣе воспріимчивы къ дрессировкѣ.

Вполнѣ правъ Брэмъ, когда онъ говоритъ:

„Одно не должны мы забывать: это—вліяніе воспитанія на характеръ животнаго. Животныя точно такъ же, какъ люди, могутъ быть образованными, благовоспитанными, или необразованными, грубыми, невоспитанными. Воспитатель имѣетъ очень сильное вліяніе на животное, и, безъ сомнѣнія, наилучшій для него воспитатель—это человѣкъ. Для примѣра возьмемъ наше лучше всего воспитанное животное — собаку. Съ теченіемъ времени она становится во многихъ отношеніяхъ похожею на своего господина, она усвоиваетъ, такъ сказать, его характеръ: охотничья собака усвоиваетъ характеръ охотника, мясникова собака—мясника, собака моряка—его характеръ, собаки лопарей, эскимосовъ, индѣйцевъ—характеръ ихъ владѣльцевъ“.

И, дѣйствительно, ограниченный кругъ мыслей у борзой направленъ почти исключительно въ сторону охоты. Пудель тратитъ значительную часть своихъ способностей на то, чтобы угадать намѣренія и желанія хозяина. Каждая порода обладаетъ свойственными ей

особенностями характера. Универсальнѣе всѣхъ, по моему, дворняжка, у которой всѣ стороны характера развиты болѣе равномѣрно, и которую тяжелая жизнь и самостоятельная борьба за существованіе надѣлили богатымъ опытомъ.

Знаменитая, напримѣръ, собака моя Бишка была простой дворняжкой. Но о ней послѣ...

Первая изъ дрессированныхъ мною собакъ была Каштанка; одинъ эпизодъ изъ ея жизни послужилъ сюжетомъ для разсказа незабвенному А. П. Чехову. Я ему разсказалъ біографію Каштанки и онъ съ моихъ словъ написалъ свой разсказъ.

Молодая рыжая Каштанка, принадлежавшая бѣдному столяру, заблудилась.

Она ни о чемъ не думала и только плакала. Когда мягкій, пушистый снѣгъ совсѣмъ облѣпилъ ея спину и голову, и она отъ изнеможенія погрузилась въ тяжелую дремоту, вдругъ подъѣздная дверь щелкнула, запищала и ударила ее по боку. Она вскочила. Изъ отворенной двери вышелъ какой-то человѣкъ...

Каштанка поглядѣла на незнакомца сквозь снѣжинки, нависшія на рѣсницы, и увидѣла предъ собою коротенькаго и толстенькаго человѣчка съ бритымъ, пухлымъ лицомъ, въ цилиндрѣ и въ шубѣ нараспашку.

Я сбилъ пальцемъ съ ея спины снѣгъ, сдѣлалъ Каштанкѣ знакъ рукой, который могъ означать только одно: „Пойдемъ“.

Каштанка пошла.

И стала у меня жить. Черезъ нѣкоторое время она сдѣлалась „ученой“ и съ успѣхомъ выступала на цирковой аренѣ.

И вотъ однажды, во время представленія, Каштанка черезъ головы публики убѣжала на галерку: она услышала голосъ своего стараго хозяина—столяра...

Мѣсто Каштанки заняла Бишка, которую я подобралъ брошенною дѣтьми, мѣсячнымъ щенкомъ, замерзавшимъ въ снѣгу.

У этой собаки мною было замѣчено присутствіе безусловнаго музыкальнаго слуха.

Помню, на бархатномъ креслѣ, дремлетъ, свернувшись въ калачъ, Бишка.

Я сижу за піанино и фантазирую. Пальцы легко скользятъ по клавишамъ.

Вдругъ чувствую легкій толчокъ въ ногу. Не переставая играть, отодвигаю ее въ сторону. Опять толчокъ.

Что это?

Нагибаюсь и вижу—Бишка.

— А, это ты! А я думалъ—спишь!

Проходятъ двѣ — три минуты; новый толчокъ въ ногу. Пріостанавливаю на этотъ разъ игру и смотрю съ изумленіемъ на собаку.

— Бишка, чего тебѣ?

Она вильнула два раза хвостомъ, отошла прочь, вскочила на прежнее мѣсто и свернулась опять въ калачикъ.

Я задумался.

Что это значитъ? Хотѣла ли она поласкаться или попросить у меня чего-нибудь? Не понимаю.

Поворачиваюсь къ инструменту и принимаюсь снова играть. Мотивъ минорный. Но не успѣлъ я взять нѣсколькихъ аккордовъ, какъ позади послышался знакомый стукъ когтей о паркетъ. Бишка!

Она вторично соскочила и идетъ ко мнѣ. Вторично обрываю игру и смотрю на нее.

Бишка постояла возлѣ меня въ раздумьѣ и, какъ раньше, повернула назадъ къ креслу.

„Нѣтъ,—думаю,—тутъ что-то неладно. Неужели у собаки музыкальный слухъ? Надо провѣрить!“

Играю теперь грустную мелодію и искоса наблюдаю за Бишкой.

Она вдругъ глубоко вздохнула, потомъ повернула голову въ мою сторону. И я вижу глаза, полные слезъ. Бишка дѣлаетъ движеніе, чтобы соскочить.

Нарочно мѣняю темпъ. Играю бравурный маршъ.

Лѣвое ухо собаки поднялось вопросительно, потомъ опустилось.

Незамѣтно перехожу вновь къ минору. Сморщился лобъ у собаки, вновь тяжелый вздохъ и глаза, полные слезъ...

Отсюда я вынесъ заключеніе, что Бишка моя обладаетъ музыкальнымъ слухомъ.

На Бишкѣ я началъ свои первые опыты гипнотизированія животныхъ.

Вотъ нѣкоторые отзывы тогдашней печати объ

этой собакѣ, которые покажутъ, какъ всѣ заинтересовались въ то время новымъ явленіемъ гипноза животныхъ.

Бишка въ гипнотическомъ трансѣ.

„Вчера въ театрѣ агентства Д. А. Бѣльскаго В. Дуровымъ, выступающимъ въ понедѣльникъ передъ московской публикой въ Никитскомъ театрѣ, были произведены интересные опыты гипноза собаки. Сеансъ удался вполнѣ. Собака, по внушенію Дурова,

исполняла цѣлый рядъ трудныхъ задачъ, задуманныхъ присутствующими". *Курьеръ 26/II 95 г.*

„Выдѣляется собачка Бишка, продѣлывающая такіе изумительные кунстштюки, которые не подъ силу иному „безсловесному животному". Она понимаетъ каждое его слово, исполняетъ каждое его приказаніе, умѣетъ различать музыкальные мотивы, обладаетъ математическими способностями. Но этого мало. Собака г-на Дурова читаетъ даже чужія мысли. В. Дуровъ усыпляетъ ее, и она, подъ его взглядомъ, совершаетъ рѣшительно все, что только онъ не задумаетъ". *Русскій Листокъ 2/III 95 г.*

„Собака быстро переходитъ въ состояніе гипноза и исполняетъ пунктуально всѣ несложныя задачи, предлагаемыя загадчикомъ. Такъ, напримѣръ, первая предложенная ей задача заключалась въ томъ, чтобы она, сойдя съ кресла, приподняла лежавшую на столикѣ студенческую фуражку. Дуровъ сталъ смотрѣть въ упоръ собакѣ въ теченіе нѣсколькихъ секундъ, и она детально исполнила все загаданное. Такъ же вѣрно собака исполнила вторую и третью предложенныя ей задачи". *Виленскій Вѣстникъ 14/VI 95 г.*

„Въ Ростовѣ одинъ изъ публики предложилъ, чтобы собака пошла въ ложу къ одному военному и взяла его зубами за третью пуговицу сюртука, или взяла лапою на рояли ноту „fa". Въ другой разъ предложено было собакѣ отыскать пробку, спрятанную въ карманѣ у одного зрителя. И все это Бишка съ точностью выполнила. *Приазовскій Край 26/XI 95 г.*

„На послѣднемъ представленіи г-нъ Дуровъ показалъ намъ новое дѣйствіе Бишки, которому онъ обучилъ ее въ Калугѣ,—это составить изъ разбросанныхъ по сценѣ цифръ 1895 годъ, что ею и было сдѣлано на вопросъ его: „А какой, Бишка, теперь годъ". *Калужскія Вѣдомости 9/II 95 г.*

Бишка была у меня математикомъ. Она производила ариѳметическія дѣйствія (сложеніе и вычитаніе) до 10.

Многіе изъ публики полагали, что предъ ними дѣйствительно были обдуманныя дѣйствія собаки, складывавшей и вычитавшей въ умѣ. На самомъ же дѣлѣ тутъ былъ тотъ же гипнозъ. Я просто внушалъ, мысленно приказывалъ Бишкѣ принести въ зубахъ плакатикъ, на которомъ была напечатана та или иная цифра, требуемая публикой. Собака это безошибочно выполняла, и такимъ образомъ создавалась видимость обдуманнаго рѣшенія собакой предложенной задачи.

Иные дрессировщики, подражая моему „номеру", прибѣгали къ пріемамъ, ничего общаго съ гипнозомъ не имѣющимъ: когда ихъ собака, обходя разложенные на землѣ плакатики, приближается къ требуемой цифрѣ, они щелкаютъ пальцами, и собака тогда беретъ цифру.

Считаю умѣстнымъ здѣсь подѣлиться, кстати, своими мыслями и наблюденіями относительно того, имѣ-

ютъ ли собаки представленіе о числѣ, о количествѣ, имѣютъ ли способность счета.

Вотъ мои наблюденія.

У моей собаки восемь щенятъ. Въ отсутствіе матери я осторожно беру одного щенка, удаляю его изъ помѣщенія, послѣ чего провѣтриваю комнату, дабы улетучился запахъ этого щенка. Черезъ нѣсколько времени я впускаю мать къ щенятамъ; обнюхиваетъ ихъ и спокойно ложится около нихъ, не замѣчая пропажи. Такимъ же образомъ я удаляю черезъ нѣкоторые промежутки времени второго и третьяго. Мать, возвращаясь, попрежнему не замѣчаетъ убыли. Но когда я удаляю съ тѣми же предосторожностями четвертаго, она, обнюхавъ оставшихся трехъ щенятъ, безпокойно начинаетъ искать пропавшихъ, причемъ, когда я ей возвращаю одного изъ взятыхъ, она совершенно успокаивается. Изъ этого я заключаю, что собака имѣетъ ясное представленіе только о трехъ, смутное—о четырехъ, которое сливается у нея въ неопредѣленное „много“.

Имѣются въ литературѣ аналогичныя наблюденія Жако относительно обезьянъ, умѣющихъ считать до четырехъ, но не больше.

Въ Трансваалѣ,—разсказываетъ онъ,—какъ и во всей Африкѣ, обезьяны страшно вредятъ огородамъ и плантаціямъ. Естественно, что туземцы стараются истреблять обезьянъ. Съ этой цѣлью они скрываются въ хижинахъ на огородахъ и выходятъ, когда пред-

полагаютъ, что обезьяны забрались въ огороды. Но обезьянъ трудно обмануть. Видя, что на охоту выходятъ, напримѣръ, четверо охотниковъ, онѣ выжидаютъ, пока не уйдутъ всѣ четверо, и только тогда смѣло принимаются за истребленіе овощей. Замѣчено было, что обезьяны не появляются на огородахъ до тѣхъ поръ, пока не увидятъ, что изъ хижины вышли именно четыре охотника. Если вышелъ одинъ, двое или трое, обезьяны не тронутся съ мѣста. Буры, однако, нашли средство обмануть этихъ хитрыхъ животныхъ. Они прячутся въ хижину въ количествѣ 5—6 человѣкъ. Затѣмъ четверо выходятъ такъ, чтобы обезьяны ихъ видѣли. Вскорѣ послѣ того, какъ четвертый ушелъ, обезьяны, не умѣющія считать больше четырехъ, появляются на огородахъ. Тогда-то ихъ и ловятъ. (Цитировано по „Всеобщему Двухнедѣльнику“ № 6 за 1910 г., изд. Брокгауза Ефрона).

Наконецъ, нѣкоторые первобытные народы тоже не идутъ дальше трехъ или пяти.

На нѣмецкомъ языкѣ сохранились еще выраженія: „man dächte, er konnte nicht *drei* zählen“, т. е. можно подумать, что онъ не умѣетъ сосчитать *до трехъ* или „nicht *fünf* zählen“ или *до пяти*. Здѣсь мы находимъ указаніе на тѣ двѣ важныя низшія ступени, черезъ которыя приходилось пройти человѣчеству прежде, чѣмъ оно стало пользоваться теперешнимъ способомъ счисленія.

Сначала человѣкъ изъ наблюденій надъ окружающими его предметами могъ получить только неопре-

дѣленное понятіе о множествѣ. Этому множеству онъ противополагалъ себя самого, какъ единицу. Онъ представляетъ единицу, все же остальное есть множество. Но вслѣдствіе сношеній съ другими людьми человѣкъ сталъ различать понятія „я“ и „ты“, а благодаря этому образовалось новое понятіе „два“. Все, что больше двухъ, представляетъ три или множество.

Сенегальскіе негры до сихъ поръ остаются все еще при пяти и считаютъ поэтому такъ: пять и одинъ, пять и два и т. д. *)

Я съ умысломъ остановился такъ подробно на способности животныхъ къ счету, потому что считаю этотъ вопросъ очень важнымъ для посильнаго уясненія тайниковъ животной психики...

Бишка умерла въ глубокой старости. Глухая, полуслѣпая, она еще работала и какъ страдала она, когда ее не брали въ циркъ! Словно жалѣла она ушедшіе годы радости и славы...

Умерла геніальная Бишка, но геніальность ея перешла къ Запятайкѣ, метису отъ Бишки и чистокровной таксы.

Область познаній послѣдней была даже отчасти обширнѣе: Запятайка была не только математикомъ, но и географомъ.

Я раскладывалъ на пескѣ арены большую, составленную изъ раскрашенныхъ деревяшекъ, карту Европейской Россіи. Особенно бросались въ глаза

*) Исторія культуры Ю. Липерта. СПБ. 1894.

моря: Бѣлое, Балтійское, Черное, Азовское, Каспійское. Кто-либо изъ публики просилъ показать какое-нибудь море, и Запятайка немедленно направлялась къ этому морю и усиленно демонстрировала его мордочкой и лапкой.

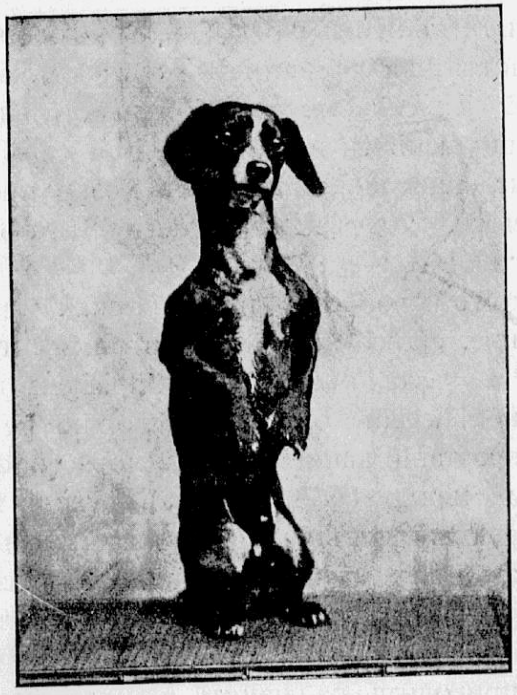
Конечно, въ этомъ случаѣ нельзя говорить о географическихъ способностяхъ Запятайки, а исключительно объ ея сильной воспріимчивости къ гипнотическимъ внушеніямъ и удивительной силѣ воображенія: я мысленно рисовалъ въ ея мозгу очертанія заданнаго моря, которыя тамъ, такъ сказать, „отпечатывались“.

О самомъ процессѣ гипнотическаго внушенія я скажу ниже. Здѣсь же отмѣчу, что объектъ для внушенія, т. е карта, очень неблагопріятенъ для гипнотическихъ дѣйствій, благодаря сложности и прихотливости очертаній какого-нибудь моря (ибо эти моря въ общемъ между собою схожи). Исходя изъ этого, можно предположить, что у Запятайки была удивительно развитая духовная организація, разъ она въ состояніи была воспринять такія тонкости и мелкія подробности...

Мнѣ приходитъ на память одинъ, особенно характерный случай изъ жизни Запятайки, гдѣ она въ полной мѣрѣ проявила свою воспріимчивость къ гипнозму.

Пенза. Я завтракаю у вице-губернатора Перцова, большого любителя животныхъ. Входитъ знакомая дама чуть ли не въ слезахъ и разсказываетъ, свидѣ-

тельницей какого зрѣлища ей пришлось быть: на базарѣ городовые забрасываютъ петли на бродячихъ собакъ и куда-то ихъ влекутъ. Визгъ и хрипъ вызы-



Запятайка.

ваютъ содраганіе, жалость. Тогда я обратился къ генералу съ вопросомъ:

„Почему вы не запретите этого?“

„Это зависитъ отъ губернатора, князя Свято-

полка-Мирскаго. Кстати, сегодня вечеромъ князь будетъ у меня; вотъ и вы приходите и попросите, какъ защитникъ животныхъ, князя“.

Я согласился сдѣлать это при помощи слѣдующей невинной хитрости: заговорить во время ужина объ опытахъ гипнотическаго внушенія животныхъ, заинтересовать этимъ князя такъ, чтобы удобно было привести Запятайку для опытовъ; и затѣмъ, во время сеанса, Запятайка должна будетъ подать князю прошеніе. Планъ вполнѣ удался. Вечеромъ князь заинтересовался разсказами объ опытахъ. Послали за собакой. Князь предложилъ продѣлать такой опытъ: пусть Запятайка возьметъ щеточку съ игральнаго столика. Собака выполнила и эту задачу. Второй опытъ: пойти въ сосѣднюю комнату, вскочить на стулъ къ столику и провести лапой по струнамъ цитры. Собака выполнила. Присутствующіе были удивлены. Я попросилъ князя позволить сдѣлать собакѣ то, что ей самой хочется (больше трехъ разъ нельзя было производить опыты, т. к. пульсъ у меня отъ напряженія повышался до 120). Я пристально посмотрѣлъ собакѣ въ глаза, создалъ представленіе о прихожей, о томъ, что тамъ виситъ мое пальто, и въ карманѣ пальто лежитъ прошеніе. Я мысленно приказалъ Запятайкѣ достать прошеніе и подать его князю. Собака все исполнила. Князь развернулъ прошеніе, въ которомъ просительница-Запятайка ходатайствовала за своихъ собратьевъ бродячихъ собакъ, для которыхъ изобрѣли новый мучительный способъ ловли

арканами. Ловля собакъ этимъ способомъ была въ Пензѣ отмѣнена.

Запятайка обратила на себя вниманіе А. П. Чехова во время переѣзда на пароходѣ изъ Одессы въ Ялту *). Я ее гипнотизировалъ въ присутствіи писателя. Антонъ Павловичъ захотѣлъ попробовать гипнотизировать самъ. И у него опыты удавались...

Въ пароходной каютѣ, кромѣ А. П. Чехова, были и нынѣ здравствующіе писатели: А. Федоровъ, Гусевъ-Оренбургскій, Миролюбовъ и другіе. Я внушилъ Запятайкѣ подойти къ Чехову и снять у него пенснэ. Запятайка подошла и осторожно, за оправу, сняла пенснэ.

Вотъ одинъ изъ отзывовъ печати о Запятайкѣ:

„Дуровъ вывелъ Запятайку, всеобщую любимицу. На этотъ разъ она показала совершенно новый фокусъ: передъ ней было разложено четыре кредитныхъ билета въ 50 руб., 25 руб., 3 руб. и 1 руб., и она должна была ихъ находить. Умная собака, превосходно гипнотизированная, ни разу не ошиблась и всегда подавала тотъ билетъ, который приказывалъ подать ее хозяинъ“. *Уманскій Листокъ 1904 г.*

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я лишился Запятайки. Нѣтъ уже въ живыхъ и Рыжки, маленькаго сеттера, бывшаго партнеромъ Запятайки въ слѣдующей мимической сценкѣ.

Запятайка притворялась покойницей. Рыжка, одѣ-

*) «Южныя Записки» № 34—1904 г.

тая въ трауръ, подходила къ ней на заднихъ лапахъ (въ этомъ сотояніи она могла пребывать необыкновенно долго) и опускала голову. Глаза ея сверкали какимъ-то блескомъ. И она такъ входила въ свою роль плакальщицы, что ее иногда приходилось отрывать отъ мнимаго трупика Запятайки.

Въ литературѣ извѣстны еще случаи, когда животныя относились къ своему искусству сознательно и съ большимъ интересомъ.

Журналъ La Nature 1899 г сообщаетъ, напримѣръ, о собакѣ овчаркѣ Faro II, которая принимала участіе въ феервіи „Робинзонъ Крузо“, поставленной въ то время въ театрѣ „Chatelet“. Эта собака такъ увлеклась своею ролью, что во время спектакля она даже переставала откликаться на свою кличку, а слушалась зова только по своему сценическому имени.

Изъ нынѣ живущихъ у меня собакъ особенно замѣчательны: громадный сенъ-бернаръ Лордъ и шпицъ, носящій ту же кличку Шпицъ.

Лордъ былъ взятъ мною семимѣсячнымъ щенкомъ года три тому назадъ. Шпицъ — восьмимѣсячнымъ, лѣтъ десять тому назадъ.

Лорда въ извѣстномъ отношеніи можно считать первымъ изъ всѣхъ моихъ собакъ, поддававшихся гипнозу. Но для того, чтобы читатели отдавали себѣ ясный отчетъ въ характерныхъ особенностяхъ Лорда, я долженъ ознакомить ихъ съ процессомъ гипноза животныхъ.

Необходимо оговориться, что слѣдуетъ каждое

животное подготовить къ процессу гипноза, подготовить въ томъ отношеніи, что для животнаго, надъ которымъ хотятъ произвести опытъ, воля человѣка должна быть непреложнымъ закономъ, котораго оно не смѣетъ ослушаться. Если же животное не обезволено, тогда можно заранѣе сказать, что опытъ не удастся.

Мнѣ вспоминается слѣдующій случай. Одинъ мой знакомый хотѣлъ продѣлать опытъ гипноза надъ моей собакой, которая лежала подъ диваномъ. Онъ ее окликнулъ по имени, но она не двигалась съ мѣста. Тогда онъ пустилъ въ ходъ разныя ласкательныя имена, чтобы вызвать ее изъ-подъ дивана. Но все было уже испорчено, ибо въ первомъ же окрикѣ знакомаго должна была прозвучать властная нота повелителя, которая парализовала бы волю собаки и сдѣлала бы ее послушнымъ орудіемъ въ его рукахъ.

Предположимъ, предъ нами такая задача: внушить собакѣ, чтобы она подошла къ столу и принесла лежащую на немъ книгу.

Я подзываю Лорда. Онъ подходитъ. Я беру его голову въ свои руки, какъ будто символически подчеркивая ему, что онъ всецѣло въ моей власти, что онъ долженъ совершенно подавить свою волю, что онъ долженъ стать автоматомъ, быть только неразсуждающимъ исполнителемъ моихъ велѣній. Для достиженія этого я впиваюсь строгимъ взоромъ въ его глаза, которые словно сростаются съ моими. Воля собаки парализована. Я собираю всѣ силы своихъ нервовъ, сосредоточиваюсь до полнаго забвенія окружающаго меня внѣшняго міра на одной мысли. А мысль эта состоитъ въ томъ, что я долженъ за-

Лордъ.

печатлѣть въ своей головѣ очертанія интересующаго меня предмета (въ данномъ случаѣ—стола и книги) до такой степени, что, когда я оторвусь взглядомъ отъ даннаго предмета, онъ все-таки долженъ стоять предо мною, „какъ живой“. Я это и дѣлаю. Въ те-

ченіе приблизительно полъ-минуты я буквально „пожираю“ предметъ, глазами запоминаю малѣйшія его подробности, складки на скатерти, трещину въ переплетѣ книги, узоръ скатерти и т. п. Довольно! Запомнилъ! Я властно поворачиваю къ себѣ Лорда и смотрю ему въ глаза, вѣрнѣе „дальше глазъ“, куда-то внутрь, вглубь. Я фиксирую въ мозгу Лорда то, что сейчасъ зафиксировано въ моемъ мозгу. Я мысленно спокойно рисую ему часть пола, ведущую къ столу, затѣмъ ножки стола, затѣмъ скатерть и, наконецъ, книгу. Собака уже начинаетъ нервничать, безпокоиться, старается высвободиться. Тогда я ей мысленно даю приказаніе, мысленный толчокъ: „иди!“. Лордъ вырывается, какъ автоматъ, подходитъ къ столу и беретъ зубами книгу. Заданіе исполнено! Лордъ чувствуетъ себя облегченнымъ, какъ будто съ него свалилась давившая его огромная тяжесть, и постепенно успокаивается...

Бишка только тогда выполняла мои приказанія, когда впадала въ трансъ, въ гипнотическій сонъ. Лордъ же гипнотизируется „на яву“: я не долженъ прибѣгать къ его усыпленію.

Бишкѣ я въ послѣдній моментъ выкрикивалъ вслухъ „алле!“. А Лорду достаточно было *сказать* это *мысленно*.

Шпицъ гипнотизируется тоже „на яву“. Но у него уже болѣе самостоятельный, крѣпкій характеръ. Ему надо дольше и настойчивѣе внушать и произносить „алле!“ вслухъ...

Существуетъ много теорій относительно сущности гипнотизма, этого таинственнаго явленія, которое наука давно старается разгадать и которому всетаки до сихъ поръ еще не дала удовлетворяющаго всѣхъ объясненія.

Профессоръ Данилевскій думаетъ (какъ и я), что животныя смотрятъ на дѣйствія гипнотизирующаго, какъ на приказанія; и въ этомъ кроется причина вліянія гипноза на животныхъ.

Внушать можно не только собакамъ, но и другимъ животнымъ. Въ Австріи, напримѣръ, по газетнымъ свѣдѣніямъ, офиціально принятъ въ арміи способъ „балассировки“ лошадей при ковкѣ (его ввелъ ротмистръ Баласса): стараются взглядомъ внушить лошади покорность...

Считаю необходимымъ оговориться, что многіе дрессировщики и даже ученые предполагаютъ одинъ изъ видовъ гипноза въ томъ, что можно курицу или какую-нибудь другую птицу извѣстными пріемами заставить принять то или иное положеніе и пребывать въ немъ до тѣхъ поръ, пока этого пожелаетъ экспериментаторъ. Случается даже, что птицы теряютъ тогда болевую чувствительность.

Опыты эти извѣстны уже давно. Еще Athanaasius Kircher разсказываетъ въ своей Ars magna lucis et umbrae (Rom, 1646) объ experimentum mirabile (чудесномъ экспериментѣ), который состоялъ въ слѣдующемъ. Курицу со связанными лапками клали на полъ и проводили отъ каждаго ея глаза мѣловую

черту въ косомъ направленіи. Курица тогда, даже послѣ снятія повязокъ съ лапокъ, долгое время находилась въ неподвижномъ состояніи.

Чешскій ученый физіологъ Чермакъ, исходя изъ этого опыта, вызывалъ у животнаго состояніе оцѣпенѣнія уже безъ мѣловой черты, а просто клалъ что-нибудь на основаніе клюва. Онъ полагаетъ, что животныя приковываютъ свое вниманіе къ этому предмету и, наконецъ, достигаютъ такой степени нервнаго утомленія, что даже засыпаютъ.

Полагаютъ даже, что колеблющійся, „шатающійся" полетъ поднятаго съ гнѣзда чибиса и другихъ птицъ не есть результатъ хитрости и разумнаго разсчета, а въ большей степени Lähmugserscheinung (явленіе окоченѣнія), вызванное потерей, вслѣдствіе страха, самообладанія.

Preher различаетъ два состоянія животныхъ, надъ которыми производили опыты по системѣ Чермака: состояніе подъ вліяніемъ дѣйствія страха (*каталепсія)* и состояніе, вызванное *гипнотизмомъ* *).

И я полагаю, что ошибаются тѣ люди, которые въ явленіяхъ оцѣпенѣнія курицы усматриваютъ одинъ изъ видовъ гипноза. Тутъ нѣтъ гипноза, какъ нѣтъ гипноза въ неувѣренномъ полетѣ чибиса! Я въ этомъ убѣдился, ибо часто продѣлываю такіе опыты съ разными птицами. Тутъ скорѣй случай самовнушенія, чѣмъ внушенія. У курицы произошелъ

*) См. статью «Hyphotismus» въ Brockhaus'Kohversations-Lexicon'ѣ. 1902.

простой обманъ чувствъ. „Субъективное ощущеніе", которое случается и у людей: къ вамъ въ глазъ попала песчинка; вы ее удаляете, но послѣ удаленія вамъ все-таки кажется, что песчинка въ глазу.

Что же касается моихъ собакъ, то не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія, что здѣсь мы имѣемъ дѣло со второй категоріей, установленной Preher'омъ, т.-е. съ чистѣйшимъ гипнотическимъ внушеніемъ...

За опыты гипнотизированія собаки я получилъ отъ французской Академіи Промышленныхъ Наукъ и Искусствъ дипломъ и орденскій знакъ.

Но вернемся къ Лорду. Онъ не только отлично поддается гипнотическимъ внушеніямъ, но и преуспѣваетъ въ другой, совершенно несвойственной собакамъ, области: мнѣ удалось научить его произносить нѣсколько членораздѣльныхъ звуковъ.

Я задаю ему вопросъ:

— Какая первая буква въ азбукѣ?

— А!—отвѣчаетъ Лордъ.

Предлагаю ему произнести слово „мама", и собака съ легкимъ хрипомъ, говоритъ: „ма-ма". Видно, что она совершаетъ надъ собою усиліе, чтобы справиться съ этимъ хитрымъ человѣческимъ изобрѣтеніемъ—словомъ.

Поэтому я позволяю себѣ усумниться въ точности увѣренія знаменитаго философа Лейбница, что онъ видѣлъ въ Саксоніи собаку, произносившую совершенно отчетливо двадцать словъ *).

*) Врачъ М. Н. Паргаминъ «Міръ Животныхъ»

Лордъ еще вальсируетъ и разыгрываетъ разныя сценки. Рѣшаетъ задачки лаемъ.

Публика выкрикиваетъ какую-нибудь однозначную цифру, Лордъ лаетъ столько разъ, сколько единицъ въ этой цифрѣ.

Такимъ же образомъ объявляетъ результаты сложенія и вычитанія.

И Шпицъ — большой мастеръ „ломать“ комедіи, притворяться мертвымъ, валяться пьянымъ по землѣ, участвовать въ судѣ надъ собой по собачьимъ законамъ, удирать съ цѣпи, надѣлать бѣдъ и опять, какъ ни въ чемъ не бывало, просунуть мордочку въ кольцо цѣпи...

Съ годъ приблизительно у меня „работаетъ“ молоденькій чистокровный фокстерьеръ Пикки.

Онъ очень граціозенъ, прекрасный танцоръ, продѣлываетъ въ воздухѣ разныя сальтомортале.

Очень ясно (яснѣе даже Лорда) произноситъ слово „мама“, но гипнозу еще не поддается, такъ какъ слишкомъ молодъ, не умѣетъ сосредоточиться и отвлекается отъ мысли, которую ему хочу внушить, малѣйшимъ шорохомъ, разговоромъ, движеніемъ... Но за то, повторяю, Пикки очень способенъ къ разнымъ акробатическимъ кунстштюкамъ, какъ и всѣ собачки этой породы.

Фокстерьеры почти *сразу* научаются ходить на переднихъ лапкахъ, замѣчательно балансируя.

II.

Свиньи.

О свиньяхъ у насъ принято говоритъ съ оттѣнкомъ пренебреженія и брезгливости. Между тѣмъ онѣ этого совершенно не заслуживаютъ.

Извѣстный знатокъ психологіи животныхъ Джоржъ Роменсъ въ своей книгѣ „Умъ животныхъ“ говоритъ:

„Несомнѣнно, что свиньи проявляютъ умъ въ такой степени, что уступаютъ въ этомъ отношеніи только самымъ смышленнымъ изъ плотоядныхъ. Однѣхъ „штукъ“ такъ называемыхъ „ученыхъ свиней“ было бы довольно, чтобы доказать это“.

Вошедшее въ поговорку неравнодушіе свиньи къ грязи приписывается ей едва ли справедливо.

Она валяется въ грязи, потому что должна это дѣлать: этимъ способомъ свинья уничтожаетъ паразитовъ, гнѣздящихся въ ея кожѣ.

Свиньи могутъ привязываться къ человѣку. Одинъ поросенокъ постоянно спалъ у моихъ ногъ на одѣялѣ. Желая спуститься съ кровати, онъ спрыгивалъ и потомъ просился легкимъ похрюкиваніемъ взять его обратно.

Первая въ Россіи „ученая“ свинья принадлежала клоуну Танти-Бедини, хорошему комику, но плохому дрессировщику. Это было лѣтъ 20 тому назадъ. „Ученость“ свиньи состояла въ томъ, что

она послушно, какъ собака, бѣгала за своимъ хозяиномъ. Свинья эта производила фуроръ, такъ какъ дрессированная свинья была въ то время новинкой.

Любопытенъ ея конецъ. Нѣкіе московскіе купцы, завсегдатаи цирка, заинтересовавшись свиньей, предложили Танти продать ее имъ, ибо хотѣли извѣдать, каковъ вкусъ „просвѣщенной“ свиньи.

Танти заломилъ за нее 3000 рублей. Купцы согласились и свинья была торжественно съѣдена въ ресторанѣ „Эрмитажъ“. Случай этотъ попалъ тогда въ газеты.

Послѣ этого я выступилъ съ своей дрессированной свиньей Чушкой-Финтифлюшкой, прошедшей болѣе сложную школу ученія: она извивалась между моихъ ногъ, взбиралась на бочку, служила верховымъ животнымъ, вальсировала, стрѣляла изъ ружья.

Выпустивъ ее на арену, я коснулся печальной біографіи свиньи Танти и сострилъ по адресу двухъ купцовъ, съѣвшихъ ее:

— Своя своихъ не познаша, съѣли.

Но и съ моей Чушкой произошелъ маленькій скандалъ. Шло представленіе. Циркъ былъ полонъ публики. Предстоялъ номеръ: свинья должна была взобраться на бочку, а я—сѣсть на нее верхомъ.

И вотъ моя свинья на бочкѣ, но, какъ только я началъ на нее взбираться, она изъ-подъ меня выскочила и я упалъ. Сконфуженный происшествіемъ, я хотѣлъ повторить опытъ. Но опять послѣдовала неудача. И такъ продолжалось нѣсколько разъ. Раз-

дались свистки. Крики: „Довольно!“ Какъ потомъ оказалось, мой соперникъ всыпалъ Чушкѣ въ шерсть сухого овса, который кололъ ей тѣло, когда я на нее садился. Свистѣлъ уже почти весь циркъ. Мнѣ грозило полное фіаско. Я стоялъ и ждалъ. Рядомъ со мною стояла, тяжело дыша, опустивъ голову низко къ землѣ, моя бѣдная Чушка. Когда публика немного успокоилась и когда настала относительная тишина, я, показавъ рукой на Чушку, сказалъ:

— Одна только *эта* свинья не свищетъ!

Громъ апплодисментовъ покрылъ мои слова...

Я бы, конечно, не приводилъ здѣсь этого случая, но онъ очень интересенъ, какъ характерная черточка для пониманія психологіи толпы.

На Чушкѣ я выѣзжалъ въ маленькомъ экипажѣ въ Петербургѣ на Американскомъ ипподромѣ на Марсовомъ полѣ. Она пробѣжала версту въ 4½ минуты и получила золотой жетонъ. Это былъ очень крѣпкій и выносливый экземпляръ нашей русской крестьянской свиньи. Мускулатура ея была развита необыкновенно.

Однажды съ ней случился трагикомическій случай.

Чушка у меня стрѣляла изъ ружья, поставленнаго на деревянной ручкѣ. Послѣ этого она всегда получала угощеніе. Разъ Чушка удрала передъ представленіемъ. Оказалось, что она подбѣжала къ пожарному двору. Тамъ попалась ей на глаза деревянная ручка, прикрѣпленная къ сигнализаціонной про-

волокѣ. Вспомнивъ, вѣроятно, цирковую ручку, она ее дернула. Ручка висѣла у будки дежурнаго пожарнаго, который въ эту минуту случайно отсутствовалъ. Поднялась тревога. Думали, что пожаръ. Но потомъ кто-то замѣтилъ, что у пожарной будки не дежурный, а свинья, стоявшая на колѣняхъ (пріемъ, которому я ее тоже выучилъ). Догадались, что это цирковая свинья, и доставили бѣглянку мнѣ.

Жилъ у меня еще дикій кабанъ, пойманный въ прибрежныхъ камышахъ Каспійскаго моря у Астрахани. Когда мнѣ его доставили, онъ былъ молоденькимъ съ полосками на шкурѣ. Но позднѣе полоски сошли, и онъ сталъ сѣрымъ.

Въ немъ проглядывало еще много дикаго, но, не смотря на это, онъ ходилъ прекрасно по канату. Впослѣдствіи, однако, пришлось оставить эту затѣю, ибо онъ сталъ слишкомъ грузнымъ. Случайно онъ пристрастился къ водкѣ, которую смѣшивали впослѣдствіи съ водой. Пилъ ее изъ бутылки. Я тогда говорилъ:

— Господа, въ исходѣ вѣка,
Пьянаго безъ мѣръ,
Даже свиньи съ человѣка
Стали брать примѣръ!

Припоминаю страшный холерный 1892 годъ. Нижній-Новгородъ. Народъ погибалъ. Бараки были переполнены.

Я игралъ на ярмаркѣ въ циркѣ братьевъ Никитиныхъ. *).

Умерла въ циркѣ отъ холеры испанка Клементина Бедини. Труппа встревожилась. Я готовился къ отъѣзду изъ Нижняго. Но губернаторъ Н. М. Барановъ

Выѣздъ на свиньѣ въ Нижнемъ (1892 г.).

посовѣтовалъ мнѣ остаться, такъ какъ въ такое время я, по его мнѣнію, могъ быть полезенъ, поддерживая въ народѣ бодрое настроеніе своими остротами и шутками. Я попросилъ у губернатора разрѣшенія проѣхаться по ярмаркѣ на... свиньѣ. Губернаторъ далъ свое согласіе.

*) У Акима Александровича Никитина, піонера-основателя перваго русскаго цирка,—я началъ свою цирковую карьеру.

Запряжка была готова. Я проѣхалъ по Макарьевской территоріи къ Главному дому. Народъ меня сопровождалъ. Слышался смѣхъ, остроты. Я въѣхалъ даже въ Главный домъ.

За поднятіе народнаго духа во время холерной эпидеміи мнѣ былъ поднесенъ губернаторомъ серебряный кубокъ.

Но зато за другую мою ѣзду на кабанѣ я не только не удостоился благодарности, но даже попалъ подъ судъ. Разскажу этотъ курьезъ.

Дѣло было въ Харьковѣ. Я, шутки ради, заложилъ въ повозочку свинью и поѣхалъ по Екатеринославской улицѣ. За мной цѣлая кавалькада. Скопленіе извозчиковъ. Остановка конки. Публика начала аплодировать. Вмѣшалась полиція.

Составили протоколъ. На вопросъ полицейскаго, почему я ѣзжу на свиньѣ, я отвѣтилъ, что у меня нѣтъ лошади.

Тѣмъ не менѣе, противъ меня было возбуждено судебное преслѣдованіе. Полиція обвиняла меня по тремъ пунктамъ: 1) за ѣзду на свиньѣ; 2) за нарушеніе общественной тишины и спокойствія и 3) за неразрѣшенную рекламу.

Въ свое оправданіе я выдвинулъ слѣдующіе доводы: 1. Въ законѣ не предусмотрѣно, что нельзя ѣздить на свиньяхъ. 2. Свинья моя ни разу не хрюкнула и вела себя вполнѣ прилично. Ѣхалъ я по той сторонѣ улицы, по какой разрѣшается. 3. Ничего рекламнаго не было въ моемъ путешествіи: не было ни

одной надписи на коляскѣ или свиньѣ, на мнѣ не было шутовскаго наряда.

Приставъ выдвинулъ тогда свой послѣдній доводъ совсѣмъ не юридическаго свойства:—Дурова знаютъ, значитъ, была реклама.

Пришлось мнѣ на это отвѣтить, что, въ такомъ случаѣ, мнѣ нельзя вообще показаться на улицѣ, ибо это будетъ неразрѣшенной рекламой.

Судъ меня оправдалъ.

Въ этомъ процессѣ была, на мой взглядъ, отчасти и серьезная сторона.

Я тогда говорилъ (и теперь продолжаю это утверждать), что свинья можетъ приносить пользу не только послѣ своей смерти, но и при жизни: она, какъ животное сильное и выносливое, можетъ вполнѣ перевозить фрукты, другіе продукты и довольно тяжелыя клади...

Изъ-за своихъ „ученыхъ“ свиней я имѣлъ еще цѣлый рядъ столкновеній съ администраціей. Такъ, на примѣръ, въ девятидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка я гастролировалъ въ Петербургѣ. Редакторъ „Гражданина“ писалъ, что пора надѣть на Дурова намордникъ.

Я рѣшилъ дать ему отвѣтъ въ циркѣ и воспользовался для этого острымъ обоняніемъ моей свиньи.

Я разложилъ на аренѣ три газеты и между ними „Гражданина“. Подъ „Гражданиномъ“ я помѣстилъ кусокъ мяса. Свинья искала мясо и, конечно,

Библиотека

остановилась у „Гражданина“, словно просматривая его. Я тогда сказалъ:

— Однимъ свиньямъ только и читать эту газету!..

Редакторъ „Гражданина“, какъ тогда разсказывали мнѣ, поѣхалъ жаловаться градоначальнику Грессеру.

Грессеръ пріѣхалъ на представленіе.

Я „на бисъ“ вывелъ трехъ поросятъ, одинъ другого больше, и выстроилъ ихъ такъ, что самый большой поросенокъ упирался о барьеръ, противъ перваго ряда креселъ, послѣ чего рекомендовалъ публикѣ своихъ поросятъ:

— Эта свинья, какъ нѣмцы говорятъ: „klein“; эта „gross“, а эта „grösser!“ *).

Публика вызывала меня разъ десять.

Грессеръ не шевельнулся. Только поблѣднѣлъ.

Всѣ ожидали чего-то.

Но онъ дипломатически смолчалъ...

Во время другого представленія я бросилъ на арену серебряный рубль и велѣлъ его своей свиньѣ поднять (тогда министромъ финансовъ былъ И. А. Вышнеградскій, при которомъ нашъ серебряный рубль сильно палъ). Свинья не обращала вниманія на рубль и не поднимала, да я ее этому и не училъ.

Нѣкоторые начали посмѣиваться надъ моей непонятливой свиньей.

Я сказалъ:—Что жъ вы хотите отъ свиньи, когда министръ финансовъ не можетъ поднять его?

*) Тутъ игра словъ.

На слѣдующій день послѣдовалъ приказъ градоначальника Грессера, обязывавшій меня оставить Петербургъ въ 24 часа...

Я считалъ нужнымъ привести здѣсь эти нѣкоторые случаи моихъ многочисленныхъ сатирическихъ выступленій по той причинѣ, что устныя ихъ передачи недостаточно достовѣрны и что мнѣ часто приписываютъ такія слова, которыхъ я не говорилъ.

Одна свинья была у меня аэронавтомъ.

Въ то время погибъ Шарль Леру, поднимавшійся на воздушномъ шарѣ и опускавшійся на парашютѣ. Его смѣнилъ Годронъ, разъѣзжавшій по крупнѣйшимъ русскимъ городамъ.

Я заказалъ воздушный шаръ изъ бязи, 28 аршинъ въ діаметрѣ, и парашютъ изъ шелка. Шаръ былъ системы Монгольфье, т. е. поднимался посредствомъ нагрѣтаго воздуха.

Предъ представленіемъ выкладывалась изъ кирпичей печь, въ ней сжигалась солома, а шаръ привязывался надъ печью къ двумъ столбамъ, и держало его человѣкъ тридцать солдатъ, которые его постепенно растягивали. Шаръ сильно увеличивался въ объемѣ наконецъ солдаты отпускали канаты, и онъ подымался ввысь.

Теперь предстояло пріучить свинью возсѣдать на площадкѣ, привязанной къ шару.

Для этого я прибѣгъ къ слѣдующему. На Крестовскомъ островѣ въ Петербургѣ, гдѣ я жилъ на дачѣ, я ввинтилъ къ балкону блокъ и устроилъ ко-

жаные ремни, обшитые войлокомъ. Свинью я на этомъ подвѣшивалъ. Сначала, не чувствуя подъ собою почвы, она визжала, но когда я ей началъ давать любимое кушанье, она успокаивалась и, наконецъ, настолько освоилась съ своимъ положеніемъ, что, наѣвшись въ воздухѣ, тутъ же засыпала.

Привыкла она также къ постепенному подъему на блокѣ и быстрому спуску внизъ.

Далѣе я подвелъ подъ свинью площадку, на которой находился будильникъ. Подносилъ свиньѣ пищу, но сейчасъ же убиралъ ее подальше отъ площадки. Свинья тянулась за пищей и, желая до нея добраться, соскакивала съ площадки, повисала на ремняхъ и брала изъ моихъ рукъ пищу. Какъ только свинья должна была получать пищу, трещалъ будильникъ. И вотъ затрещитъ будильникъ, свинья соскакиваетъ съ площадки и раскачивается въ воздухѣ, въ нетерпѣливомъ ожиданіи любимаго лакомства. Такимъ образомъ она привыкла къ тому, что со звономъ будильника слѣдовало бросаться съ площадки въ воздухъ.

Все было подготовлено для воздушнаго путешествія свиньи.

Первый полетъ былъ назначенъ въ дачной мѣстности „Озеркахъ". Афиша гласила: „Свинья въ облакахъ". Дачные поѣзда были переполнены.

Нагрѣли шаръ. Поставили на площадку свинью. Къ свиньѣ привязали нижній конецъ парашюта, а верхній прикрѣпили къ верхушкѣ шара такими бечевками, которыя выдерживали тяжесть парашюта, но не больше. Къ верхушкѣ привязали также мѣшокъ съ пескомъ.

На площадку былъ поставленъ будильникъ, заведенный такъ, чтобы черезъ 2-3 минуты начать трещать.

Шаръ поднялся очень высоко. Когда, черезъ нѣсколько минутъ, зазвонилъ будильникъ, свинья, привыкши по звонку бросаться съ площадки, бросилась въ воздухъ съ шара. Парашютъ оторвался отъ шара, конечно, одновременно съ свиньей, которая первыя нѣсколько секундъ ринулась камнемъ внизъ, но сейчасъ же раскрылся сложенный парашютъ, и свинья парящимъ полетомъ, мѣрно и плавно покачиваясь, благополучно спустилась на землю, побывавъ въ небесахъ.

Такихъ полетовъ свинья совершила впослѣдствіи четырнадцать.

Не обходилось, конечно, безъ приключеній.

Въ Тифлисѣ парашютъ опустился на крышу женской гимназіи и тамъ зацѣпился. Свинья болталась предъ гимназическими окнами. Пришлось пригласить пожарныхъ, которые ее выволокли.

Въ Саратовѣ парашютъ угодилъ на дворъ колбаснаго заведенія, что то же едва ли было пріятно моей воздушной путешественницѣ и послужило для мѣстныхъ газетъ поводомъ незлобиво посмѣяться.

III.

Морскіе львы.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я былъ въ Гамбургѣ и купилъ тамъ, въ знаменитомъ зоологическомъ паркѣ Карла Гагенбека, многихъ животныхъ, а въ ихъ числѣ двухъ морскихъ львовъ: Лео и Пицци.

Лео учится балансировать.

Особенно интереснымъ оказался молодой морской львенокъ Лео. Это былъ рѣдкій экземпляръ, и наблюденія которыя я произвелъ надъ нимъ, и которыя будутъ описаны ниже, я рекомендую вниманію лицъ, изучающихъ зоопсихологію.

Лео въ очень короткое время научился разставаться со своей стихіей— водой и подолгу пребывать на аренѣ цирка.

Онъ по командѣ кувыркался.

Прекрасно балансировалъ мячомъ.

На мой вопросъ, гдѣ находится съѣденная рыба, онъ хлопалъ себя по животу своимъ ластомъ.

Стрѣлялъ изъ пистолета.

Кланялся.

Произносилъ первую букву азбуки.

Впрягался самъ, безъ всякой посторонней помощи, въ телѣжку и увозилъ меня съ арены.

Да мало ли что еще продѣлывалъ Лео!..

Въ концѣ 1909 года я купилъ въ Петербургскомъ зоологическомъ саду еще одного морского льва Ваську.

Онъ прожилъ въ саду семь лѣтъ. Дрессировать его никто не пытался. Ухаживавшій за нимъ сторожъ — татаринъ пріучилъ Ваську брать рыбу изъ рукъ. И только.

Я началъ его пріучать къ себѣ, но все было напрасно. „Васька“ былъ свирѣпъ, пугливъ, нелюдимъ. Когда я къ нему приближался, онъ стремительно погружался въ воду. Высовывалъ голову изъ воды только тогда, когда голодъ заставлялъ его схватить плававшую по поверхности рыбу.

Я пришелъ къ заключенію, что, вѣроятно, съ нимъ въ зоологическомъ саду обращались очень сурово, и поэтому онъ такъ угрюмъ и озлобленъ.

Ваську я помѣстилъ въ одинъ бассейнъ съ Лео. Сначала они дрались, но потомъ помирились.

При моемъ приближеніи Лео выскакивалъ на площадку, которая была устроена въ бассейнѣ, кричалъ и привѣтствовалъ мой приходъ. Васька только боязливо высовывалъ голову и несмѣло оглядывалъ меня.

Когда Лео получалъ рыбу черезъ прутья клѣтки,

Васька оскаливалъ зубы. Послѣ ѣды Лео кидался въ бассейнъ съ площадки, а Васька, находясь еще всѣмъ тѣломъ въ водѣ, клалъ голову на площадку.

Прошло еще нѣкоторое время. Васька уже рѣшался сидѣть на площадкѣ. Тогда я началъ подумывать о его дрессировкѣ.

Клѣтка открывалась, къ ней приставлялся скатъ изъ досокъ, который велъ на арену. Лео мигомъ выскакивалъ изъ воды, сползалъ по досчатому наклону внизъ, бѣжалъ прямо къ своей тумбѣ на аренѣ, садился на нее и терпѣливо ожидалъ. Васька же только вылѣзалъ на скатъ, усаживался на порогѣ клѣтки, съ завистью поглядывая на Лео, не рѣшаясь послѣдовать за нимъ.

Насытившись рыбой, Лео спокойно возвращался къ себѣ въ бассейнъ, укоризненно поглядывая на нерѣшительнаго Ваську, отстранялъ его съ пути и погружался въ воду.

Клѣтка опять запиралась.

Такъ шло нѣсколько дней.

Въ одну изъ репетицій и Васька, наконецъ, рѣшился спуститься по скату на арену. Видя, что никто не обращаетъ на него вниманія, онъ подползъ къ тумбѣ, приготовленной для него (на другой, рядомъ, уже сидѣлъ Лео), но сѣсть на нее не рѣшался.

Въ это время Лео соскочилъ съ тумбы, ткнулъ носомъ Ваську и опять вскочилъ на свое мѣсто.

Я бросилъ Васькѣ любимую рыбу. Онъ поймалъ

ее на лету. Но мой неосторожный шагъ впередъ спугнулъ Ваську, и онъ повернулся, чтобы удрать назадъ въ клѣтку.

Тутъ Лео опять быстро соскочилъ съ тумбы, пересѣкъ Васькѣ дорогу и, несмотря на свой гораздо меньшій ростъ и меньшія силы, остановилъ его, упершись въ него шеей.

Васька въ раздумьи остановился на полпути. Лео еще съ минуту попридерживалъ его шеей, затѣмъ задорно повернулся и побѣжалъ на свое мѣсто, какъ бы говоря всѣмъ своимъ существомъ Васькѣ:—„Видишь!..“

Я былъ пораженъ. Первый разъ въ жизни я былъ свидѣтелемъ того, какъ одно животное даетъ „предметный урокъ“ другому (я, конечно, исключаю тѣ случаи, когда мать учитъ своихъ дѣтенышей).

Получивъ рыбу, Лео оглянулся на Ваську и короткимъ лаемъ словно приглашалъ его:

— Не бойся, иди, получишь рыбу!

Васька смѣлѣе двинулся къ тумбѣ. А Лео съ высоты своей тумбы выказывалъ признаки большого удовлетворенія по поводу успѣховъ Васьки...

Я положительно не могъ удержаться, чтобы не расцѣловать Леочку...

Другой такой же случай.

Въ Петербургѣ, послѣ представленія, когда вся публика разошлась, я рѣшилъ сдѣлать репетицію моимъ морскимъ львамъ; вновь зажегъ электрическій свѣтъ и приступилъ къ дѣлу.

Васька уже важно возсѣдалъ на тумбѣ, какъ и Лео, и спокойно глоталъ рыбу за рыбой.

Я рѣшилъ продолжать дриссировать Ваську, задавая ему еще болѣе сложныя задачи.

Беру мячикъ и бросаю его Лео. Онъ превосходно знаетъ свое дѣло и отбрасываетъ мордой мячъ назадъ.

Я мѣняю направленіе мяча и бросаю его въ сторону Васьки.

Васька, какъ ужаленный, срывается съ тумбы и стремится черезъ барьеръ въ мѣста для публики. Рушатся кресла. Онъ перелѣзаетъ уже черезъ второй рядъ креселъ.

Находившіяся на репетиціи двѣ дамы, сидѣвшія неподалеку, бросаются въ разныя стороны.

Вдругъ Лео опять соскакиваетъ съ тумбы, бѣжитъ въ проходъ между рядами и преграждаетъ Васькѣ путь.

Васька стоялъ съ разинутой пастью, словно потерявъ разсудокъ отъ всего этого происшествія.

Тогда Лео сталъ осторожно, нѣжно терѣться своей мордой о шею Васьки. Ласки эти сдѣлали свое дѣло: Васька пришелъ въ себя.

Лео съ короткимъ лаемъ „а-а-а“ сталъ пробираться обратно на арену. За нимъ послѣдовалъ все еще возбужденный Васька, переваливаясь и спѣша, словно боясь отстать отъ Лео. Громадный Васька рядомъ съ маленькимъ Лео казался теперь очень смѣшнымъ. Лео дошелъ до своей тумбы и спокойно

взобрался на нее въ ожиданіи награды. А Васька прижался къ тумбѣ Лео и дальше не двигался. Тутъ Лео сталъ отпугивать его своими зубами. Васькѣ ничего не оставалось, какъ пойти и сѣсть на свою тумбу.

Въ слѣдующій разъ я бросалъ мячъ сначала къ Лео, а затѣмъ черезъ Ваську, чтобы онъ привыкъ хотя бы къ пролетающему мячику.

Васька опять сдѣлалъ попытку удрать, но Лео, слѣдившій за нимъ, сдѣлалъ, въ свою очередь, попытку преградить ему путь къ бѣгству, и Васька одумался.

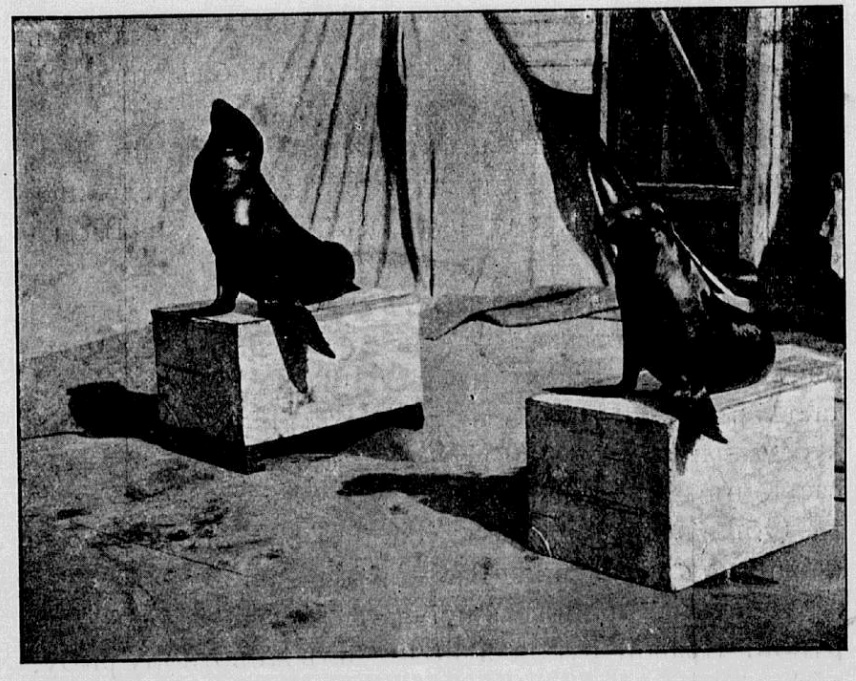
Но вотъ мячъ пролетаетъ уже совсѣмъ близко отъ Васьки. Васька оскаливаетъ зубы. Наконецъ, мячъ налетѣлъ прямо на него. Васька быстро хватаетъ резиновый мячъ въ пасть рѣдкими, но острыми зубами, прокусываетъ его и съ остервѣненіемъ бросаетъ въ сторону...

Обильное угощеніе вкусной рыбой опять возстанавливаетъ утраченное Васькой душевное равновѣсіе.

Я началъ пробовать пріучать его къ поглаживанію рукой. Правой рукой я подносилъ животному рыбу, а лѣвой чуть-чуть прикасался къ шеѣ. Такъ разъ двадцать. Наконецъ, Васька привыкъ къ прикосновенію лѣвой руки. И я рискнулъ даже коснуться Васьки, не имѣя въ рукахъ рыбы. Сошло. Васька снисходительно позволилъ себя гладить и даже слегка похлопывать.

При такой наличности маленькой дружбы, я опять принялся за опыты съ мячомъ.

Въ правой рукѣ у меня рыба, въ лѣвой—мячъ. Рыбу Васька съ аппетитомъ уничтожилъ, но приближеніе мяча его опять разсердило, и онъ толкнулъ мячикъ зубами. Мячъ упалъ на арену.



Морскіе львы въ ожиданіи репитиціи.

Тутъ пришелъ мнѣ на помощь опять мой милый Лео. Онъ слѣзъ съ табуретки, дѣловито побѣжалъ къ валявшемуся въ пескѣ мячу и приткнулся къ нему носомъ, не отнимая его отъ мяча съ полъ-минуты. Этимъ онъ, внѣ всякаго сомнѣнія, показывалъ

Васькѣ, что мячъ не слѣдуетъ кусать и что его нечего пугаться.

Такимъ образомъ я убѣдился, что у животныхъ имѣются свои педагоги.

Въ концѣ концовъ, Васька постигъ ученіе и выполнялъ почти все то, что продѣлывалъ даровитый, удивительный Лео, хотя и не съ такимъ совершенствомъ.

И я началъ показывать Ваську вмѣстѣ съ Лео на публичныхъ представленіяхъ.

Во время второго представленія случилась непріятность.

Все еще таившій въ себѣ дикость Васька прокусилъ мнѣ своими острыми зубами ногу. Отъ рыбнаго яда могло бы произойти у меня зараженіе крови.

Находившійся здѣсь же другъ мой, А. И. Куприпъ, безжалостно выдавилъ изъ раны кровь и промылъ ее водкой. Можетъ быть, это спасло меня отъ опасности.

Еще до этого случая знаменитый писатель подружился съ моими морскими львами, и у насъ имѣется фотографическая карточка, изображающая А. И. Куприна и меня въ обществѣ королей морской бездны, снятая въ московскомъ зоологическомъ саду во время юбилейной акклиматизаціонной выставки въ 1909 году.

За время своей долголѣтней работы я не разъ подвергался большимъ опасностямъ. Разъ, напримѣръ, въ Ташкентѣ выдрессированный мною шакалъ

взбѣсился и покусалъ меня и моего служителя. Мы уѣхали въ Самару, чтобы подвергнуть себя Пастеровскимъ прививкамъ. Тѣмъ не менѣе, мой служитель скончался отъ водобоязни.

Лео и Васька и теперь у меня живутъ. Самсона же и Пицци уже нѣтъ въ живыхъ.

Обращала на себя вниманіе Пицци—самка, купленная мною у Гагенбека въ семимѣсячномъ возрастѣ. Очень граціозная и гибкая, она изображала у меня „каучукъ". Упиралась въ площадку шеей и передними ластами, а весь корпусъ поднимала кверху и задніе ласты изгибала настолько, что они касались ея носа. Этимъ она доказывала гибкость позвоночнаго столба у морскихъ львовъ.

Она превосходно жонглировала: ей помѣщали на носъ билліардный кій, къ верхушкѣ котораго прикрѣплялась рыба. Она имъ балансировала, по командѣ опускала кій и ловила падавшую рыбу пастью...

Жители приморскихъ странъ безпощадно избиваютъ морскихъ львовъ. Куда большую выгоду могли бы получить эти жители, если бы ловили морскихъ львовъ и оставляли ихъ въ живыхъ. По моему (а я внимательно изучалъ природу морскихъ львовъ), эти ластоногія могли бы стать, даже при несложномъ обученіи и самомъ простомъ воспитаніи, домашними животными, могли бы спасать утопающихъ въ морѣ, ловить рыбу и приносить ее своимъ хозяевамъ и т. п.

IV.

Страусъ.

Африканскаго страуса я пріобрѣлъ въ Гамбургѣ у Гагенбека въ августѣ 1909 г.

Тамъ ихъ разгуливало цѣлое стадо въ отгороженномъ мѣстѣ. Имѣются въ стадѣ и собственные выводки, полученные путемъ инкубаторовъ.

Меня привели къ стаду и предложили выбрать страуса, который мнѣ понравится. Я указалъ. Съ какимъ трудомъ его ловили! Пришлось, конечно, отдѣлить его и затѣмъ набросить ему на голову чулокъ. Съ чулкомъ на головѣ онъ стоялъ, какъ вкопанный. Страуса отвели въ особое помѣщеніе. Я его осмотрѣлъ и купилъ. Это была довольно дикая птица.

Путешествіе въ Россію страусъ перенесъ очень хорошо: онъ помѣщался въ клѣткѣ, обитой войлокомъ, во избѣжаніе того, чтобы онъ какъ-нибудь не стукнулся.

Въ гамбургскомъ паркѣ я замѣтилъ еще, что мой страусъ отъ природы чудный танцоръ. На волѣ страусы иногда кружатся въ какомъ-то сумасшедшемъ танцѣ, приподнимая свои мало развитыя крылья и трепеща ими, какъ будто собираясь взлетѣть на воздухъ, въ чемъ природа ихъ обидѣла.

Кормилъ я своего страуса качанами капусты, отрубями, мелкими камнями, кукурузой, чернымъ хлѣ-

бомъ. Иногда давалъ въ пищу мелко растолченныя кости животныхъ.

По совѣту Гагенбека, я ему еженедѣльно давалъ цѣликомъ сырое куриное яйцо, и, когда оно проходило черезъ горло, я его нащупывалъ и раздавливалъ.

Обыкновенно яичную скорлупу выбрасываютъ вонъ, не думая о томъ, что она, вслѣдствіе своего богатаго содержанія солей, фосфора и извести, можетъ быть великолѣпнымъ кормомъ для птицъ.

Дрессировкѣ страусъ поддавался нелегко.

Когда я его вывелъ впервые на арену, первой мыслью страуса было перескочить черезъ барьеръ и удрать. Но кругомъ стояли люди, и эта затѣя ему не удалась.

Не смотря на то, что я его всегда кормилъ лично, онъ ко мнѣ туго привыкалъ. Часто старался сорвать у меня съ пиджака пуговицу и проглотить. При этихъ поискахъ пуговицы страусъ издавалъ звукъ недовольства „гу“.

Страусы готовы немедленно проглотить все, что попадается имъ на глаза.

Однажды, во время репетиціи, онъ поймалъ валявшійся въ пескѣ большой кусокъ стекла отъ лампы. Бросились къ нему, но было уже поздно: стекло было проглочено. Я боялся за послѣдствія, но все прошло благополучно.

Другой разъ страусъ расцарапалъ себѣ шею гвоздемъ. Полилась кровь. Пришлось пригласить ветеринарнаго врача, который наложилъ повязку.

Врачъ велѣлъ оставить повязку на всю ночь. И можно себѣ представить мой ужасъ, когда рано утромъ я увидѣлъ, что у моего страуса распухла шея, распухнувъ чуть ли не въ четыре раза. Голова у него безпомощно повисла. Я моментально разрѣ-

Выѣздъ на страусѣ.

залъ бинтъ. Вслѣдствіе туго наложенной повязки, оказывается, прекратилось правильное кровообращеніе, и страусъ едва не погибъ.

При помощи чулка, который страусу осторожно напяливали на голову, я впрягалъ его въ двухколесную телѣжку особой запряжки.

Потомъ я снималъ чулокъ, и страусъ мало-по-малу вполнѣ вошелъ въ свою роль. Длинная бамбуковая палка служила мнѣ вмѣсто возжей: если я хотѣлъ повернуть вправо, то двигалъ палкой влѣво. При этомъ произносилъ монотонные звуки „гу“, подражая голосу его недовольства.

Въ теченіе полутора мѣсяца страусъ научился ѣздѣ, дѣлалъ разные повороты, ускорялъ или уменьшалъ шагъ по командѣ. Для остановки служилъ окрикъ „гакъ“.

Видно было, что ему безусловно легко возить человѣка. Мой карликъ Ванька-Встанька выѣзжалъ на немъ даже верхомъ.

Когда я выѣзжалъ на страусѣ, я замѣтилъ за нимъ одну особенность: объѣзжая арену, онъ вытягивалъ свою длинную шею и вопросительно смотрѣлъ на какую-нибудь изъ дамъ, у которой шляпа была украшена перьями.

Это мнѣ давало возможность пошутить надъ дамами.

— Смотрите, съ какимъ удивленіемъ мой страусъ оглядываетъ дамъ. Онъ, вѣроятно, думаетъ: дама, высшее существо, носитъ на головѣ то, что я у себя на хвостѣ!..

Страусъ ударялъ клювомъ въ китайскій мѣдный гонгъ, и я замѣчалъ, что звуки гонга заставляли его закрывать глаза, какъ будто усыпляя его. Стоило раздаться звуку „бомъ“, и онъ сладко закрывалъ глаза: снизу поднималась пленка. Звукъ замиралъ,— глаза раскрывались.

Велъ себя страусъ, какъ подобаетъ вести себя величайшей изъ нынѣ живущихъ птицъ: онъ не оставлялъ своимъ вниманіемъ ни одной проходившей мимо собаки и даже щипалъ моихъ собакъ, живщихъ съ нимъ бокъ-о-бокъ.

Когда служащій подходилъ со сбруей, страусъ, думая укрыться отъ него, отворачивалъ голову къ стѣнѣ и полагалъ, что этимъ провелъ служителя.

V.

Крысы.

Я долженъ замѣтить, что, испытываемое большинствомъ, и въ особенности женщинами, чувство брезгливости къ этому хорошенькому звѣрку рѣшительно ни на чемъ не основано. Стоитъ только, что называется, подтянуть свои нервы и приглядѣться къ крысѣ, чтобы затѣмъ смотрѣть на нее не только равнодушно, но даже заинтересоваться ею, гладить, слѣдить за ея движеніями.

Потрудитесь взглянуть на гнѣздо обыкновенной подпольной крысы. Найдете ли вы въ немъ хотя малѣйшій слѣдъ нечистоты? Напротивъ, васъ должна удивлять идеальная чистоплотность обитателей этого жилища.

Главнѣйшимъ обиходнымъ занятіемъ крысы яв-

ляется умываніе, долгое, методическое, изумительно терпѣливое, до приведенія всего своего тѣльца въ абсолютно чистое состояніе. Крыса моется, когда въ этомъ даже нѣтъ надобности.

Вотъ я причиняю крысѣ непріятность, которая въ ней, этой идеальной „чистюлѣ", вызываетъ содраганіе: я обмазываю ее грязью. Смотрите, какъ это ее угнетаетъ, съ какою нервною поспѣшностью принялась она за чистку своей нѣжной „шубки", смотрите, какъ она, по слову народной пѣсни, „волосъ къ волосу кладетъ". Да и не скоро еще она и въ гнѣздѣ успокоится и все будетъ чиститься. Даже сонъ ея будетъ тревоженъ: схватится и пойдетъ энергичная работа лапками и языкомъ.

Простаивая по нѣсколько часовъ у клѣтки и изучая образъ жизни крысъ, я замѣтилъ, что онѣ (преимущественно самцы) ведутъ борьбу между собою. Становясь на заднія лапки, онѣ передними отражаютъ угрожающія движенія противника. При этомъ воюющія стороны издаютъ характерный пискъ, обращающій вниманіе остальныхъ крысъ въ клѣткѣ. Я воспользовался этимъ пискомъ, подражая ему при кормленіи моего крысинаго пансіона, и идея моя увѣнчалась полнѣйшимъ успѣхомъ. Крысы оказались необычайно чувствительными къ этимъ звукамъ.

Я составляю три стола вмѣстѣ, выпускаю на нихъ крысъ, а самъ становлюсь посрединѣ и, взявъ флейту, издаю на ней монотонные, однообразные звуки, чередуя ихъ съ обычнымъ сигнальнымъ пискомъ. Добиваюсь того, что крысы привыкаютъ къ звукамъ флейты и къ писку.

Онѣ прибѣгаютъ къ моимъ ногамъ и обнюхиваютъ ихъ; я осторожно нагибаюсь и кормлю крысъ; онѣ, по обыкновенію, вначалѣ готовы спасаться бѣгствомъ, но кончаютъ выполненіемъ моего желанія. Такъ дѣло идетъ съ недѣлю. Крысы уже со всѣхъ ногъ бѣгутъ подъ звуки моей флейты къ моимъ ногамъ и ждутъ обычной подачки.

Крысиная команда обнюхиваетъ мои ноги и ползетъ вверхъ. Вотъ она уже у самыхъ колѣнъ. Ну, ладно, на первый разъ достаточная высота! И крысы получаютъ отъ меня лакомое вознагражденіе. На слѣдующемъ сеансѣ мнѣ этого уже мало. Пожалуйте, крысы, выше! И онѣ лазаютъ, расхаживаютъ по мнѣ, а я съ ними; это расхаживаніе съ сѣдоками-крысами длится по цѣлымъ часамъ. Само собою разумѣется, что на аренѣ, въ циркѣ или въ большомъ помѣщеніи мнѣ удобнѣе и интереснѣе оперировать съ крысами. Тамъ я выпускаю крысъ прямо на полъ, и онѣ быстро, подъ флейту и даже безъ нея на разстояніи трехъ и болѣе саженъ бѣгутъ ко мнѣ немедленно и взбираются на мои плечи и голову.

И такой благожелательный взглядъ на крысъ вы встрѣтите не только у меня, но даже у Роменса въ цитированной выше книгѣ:

„Крысы, какъ извѣстно, чрезвычайно умны. Онѣ никогда не теряютъ присутствія духа: даже въ случаяхъ величайшей опасности крыса всегда готова

воспользоваться каждымъ представляющимся ей благопріятнымъ обстоятельствомъ".

Попытайтесь отнять у крысы ея крысятъ. Она ихъ начнетъ защищать, облизывать, мыть, и, въ концѣ концовъ, загрызетъ.

Самка, произведя на свѣтъ крысятъ, бережно складываетъ ихъ въ одну кучу и ложится на нихъ, чтобы согрѣть малютокъ и скрыть ихъ отъ постороннихъ взоровъ.

Всякое постороннее прикосновеніе къ крысенку быстро, какъ-то инстинктивно, смывается языкомъ матери. Она вертитъ, какъ орѣшекъ, своего ребенка, который издаетъ тонкій пискъ. Пискъ крысенка до того раздражаетъ нервную систему матери, что она съ удвоенной силой принимается вертѣть его, какъ бы цѣлуетъ, какъ бы зацѣловываетъ. Крысенокъ пищитъ еще больше. Мать теряетъ разсудокъ, съ утроенной силой зализываетъ крысенка и затѣмъ, словно засасывающимъ поцѣлуемъ, обнажаетъ мясо дѣтеныша, часто кончикъ хвоста. Крысенокъ отъ боли пищитъ. Пискъ до невозможности заставляетъ страдать материнское сердце. Она тихонечко грызетъ и грызетъ малютку. Она настолько нервна въ этотъ моментъ, настолько опьянена любовью, что не замѣчаетъ ничего изъ окружающаго; я пробовалъ прикасаться къ матери, и она не обращала на меня вниманія. Скоро наступаетъ конецъ великой трагедіи! *Въ безграничномъ порывѣ любви крыса съѣдаетъ своего ребенка.*

Крысы очень понятливы и послушны. Я нашелъ даже возможнымъ устроить настоящую крысиную пантомину „Крысы на пароходѣ".

Вотъ одинъ изъ отзывовъ тогдашней печати:

„Сцена—крысы на пароходѣ—вызвала шумные аплодисменты публики. Эта сцена, дѣйствительно, производитъ замѣчательно эффектное впечатлѣніе, какъ по красотѣ постановки, такъ и по работѣ крысъ, дрессировка которыхъ доведена до совершенства. Крысы Дурова, дѣйствительно, исполняютъ всѣ его приказанія, а не бѣгутъ безсмысленною толпой туда, гдѣ имъ сыплютъ кормъ. Эти маленькія животныя поднимаютъ на его пароходѣ флаги, распускаютъ паруса, тащутъ тюки, вертятъ рулевое колесо; наконецъ, во время бури, разрушающей пароходъ, бросаются въ шлюпку и т. д.—и все это продѣлываютъ совсѣмъ, какъ осмыленныя существа. *«Новости дня» 12 марта 1895 г.*

Разставляется рядъ бутылокъ. Я выпускаю изъ клѣтки своихъ пасюковъ и альбиносокъ съ красными глазами и назначаю имъ маршрутъ путешествія: бѣлыя по горлышкамъ бутылокъ, сѣрыя между бутылокъ. Правильно! Затѣмъ крысы по командѣ идутъ обратно, перемѣнившись ролями: сѣрыя по бутылкамъ, а бѣлыя между ними...

А одна крыса у меня занялась авіатикой. Разъ теперь весь міръ такъ упорно преслѣдуетъ задачу побѣды надъ воздухомъ, то какъ же мнѣ съ моимъ міромъ звѣрковъ отстать отъ очередной задачи культуры?

Свинья въ свое время летала у меня на аппаратѣ, „легче воздуха“, крыса въ наше авіаціонное время летаетъ, конечно, на аппаратѣ „тяжелѣе воздуха“.

Крыса Филька очень охотно влѣзаетъ на мой ма-

Крыса на аэропланѣ.

ленькій аэропланъ, садится въ открытую корзиночку (я ее не привязываю) и пускается завоевывать воздушный океанъ. Пущены въ ходъ лопасти препеллера, аппаратъ вначалѣ чуть-чуть покачивается, и Филька инстинктивно балансируетъ, боясь потерять равновѣсіе. Аэропланъ съ крысой-летчицей проле-

таетъ черезъ весь циркъ и благополучно опускается въ тонкую сѣтку...

Главу о крысахъ я закончу перепечаткой разсказа г-на Карменъ, написаннаго имъ съ моихъ словъ и напечатаннаго въ „Синемъ Журналѣ“, (№ 14 за 1911 г.). Разсказъ этотъ называется:

Крысиный романъ.

I.

Звали его Сѣрко. Долгое время онъ „работалъ“ у меня „канатнымъ“. Видали? Виситъ низко подъ куполомъ огромная голова изъ папье-маше Джонъ Буля, и въ открытую пасть его по канату гуськомъ ползутъ крысы.

Шерсть у него была темно-сѣрая, ершистая и былъ онъ, какъ всѣ пасюки, необычайно сердитый, злой, сильный.

Ну и боялись же Сѣрко товарищи! Чуть въ общей клѣткѣ раздерутся, онъ ураганомъ мчится къ нимъ, опрокидывая все на пути, и всѣ—тягу.

На работѣ у меня онъ былъ всегда впереди всѣхъ, и нерѣдко я пользовался имъ въ цѣляхъ „скрещиванія“, желая добиться того или иного экземпляра.

Вотъ почему, когда я задумалъ свой „пароходъ“ и мнѣ понадобился капитанъ, выборъ мой палъ на него.

Лучшаго командира нельзя было сыскать,—огромный, внушительный и пискъ у него сиплый такой, какъ у заправскаго капитана.

2.

Нѣсколько мѣсяцевъ работалъ я надъ новымъ номеромъ, готовилъ команду—матросовъ, кочегаровъ, носильщиковъ. Египетскій трудъ. Пришлось вложить пропасть терпѣнія, любви и энергіи.

И вотъ номеръ готовъ. Фуроръ, фуроръ!

Вообразите совершеннѣйшую модель волжскаго грузового судна. Мачты, труба, иллюминаторы, машинная.

Судно стоитъ у набережной, заваленной тюками, бочками, желѣзомъ, а вверху — городъ, не то Рыбинскъ, не то Царицинъ съ золотыми маковками, бѣленькими домиками, садиками въ зеленыхъ и красныхъ пряслахъ, уличками, скверикамн. Превосходная декорація,—писалъ ее талантливый художникъ.

Съ судна на набережную перекинута сходня, и по ней взадъ и впередъ шмыгаютъ носильщики-крысы съ кулями, ящиками и чемоданами; бочкомъ пробираются пассажиры—тоже крысы, а на палубѣ хлопочутъ матросы—опять-таки крысы, по свистку бѣгущіе каждый къ своей мачтѣ.

Они тащутъ паруса, тентъ, поливаютъ изъ ведерецъ палубу, трутъ ее швабрами и, сидя на подвѣскахъ, красятъ борта.

Громыхаетъ и топочетъ паровой кранъ, визжитъ лебедка и надъ пароходомъ носится клубами молочный паръ.

3.

Но капитанъ, капитанъ!

У него была особая каюта. Какъ только механикъ издали нажметъ кнопку и дверцы ея откроются, онъ выходитъ грузный такой, обрюзглый, хозяйственный. Форменная фуражка съ голуномъ на боку. Разжирѣлъ на продовольствіи перваго класса.

Онъ какъ будто сейчасъ всталъ послѣ вчерашней выпивки въ городѣ, гдѣ-нибудь въ „Славянкѣ“ или „Адраганѣ“, съ товарищами-моряками.

Зѣвнулъ, всталъ на заднія лапки и почесался за ухомъ.

Кругомъ уже кипитъ работа.

И онъ медленно обходитъ палубу, остановится у одного, другого трюма, въ которые валятъ мѣшки и тюки, подойдетъ къ подъемному крану, заглянетъ въ машинную каюту. Такъ ли сложенъ грузъ, удобно ли пассажирамъ, не развлекаются ли постороннимъ кочегары, на мѣстахъ ли матросы, въ исправности ли спасательные пояса, шлюпки?

Попутно заглянетъ къ повару и справится—какое на сегодня сладкое? Строгій, строгій, а лакомство любитъ.

Убѣдившись въ полной исправности, взбирается на мостикъ подъ стекломъ, гдѣ ждетъ его завтракъ—пара великолѣпныхъ, хорошо поджаренныхъ подсолнуховъ. Онъ мигомъ обгрызаетъ ихъ по краямъ, точно

обрѣзаетъ ножницами, съѣдаетъ зернышки и затѣмъ пристраивается къ подзорной трубѣ, въ которой для него припасено молоко.

Смотритъ долго—не видать ли на горизонтѣ судна?

Вдругъ до слуха его донесся со сходней пискъ, характерный, короткій, жалобный пискъ, отъ котораго онъ пьянѣетъ и становится кровожаднымъ. Подрались крысы-носильщики изъ-за коробочки съ очищеннымъ внутри миндалемъ и кусочкомъ чернослива.

И однимъ махомъ онъ внизу. Тяжелымъ ядромъ шлепнулось въ самую гущу дерущихся его огромное, грузное, горячее тѣло, и всѣ разсыпались.

Но онъ успѣлъ запустить глубоко въ одну желѣзнымъ когтемъ, а другую смазать лапкой.

Галерка дрожитъ отъ аплодисментовъ, а третій рядъ, унизанный матросскими воротниками, заливается.

— Ай, да командеръ!

— Правильно!

— Безъ строгостевъ никакъ нельзя! Такъ что дисциплина!

— Право на бортъ! Задній ходъ!

Ниже, въ первомъ ряду, грохочетъ компанія подвыпившихъ краснорожихъ капитановъ-волжанъ.

— Рррруку, товарищъ!

А еще ниже, въ литерной ложѣ трясется отъ смѣха жирный, заплывшій судовладѣлецъ.

— Охъ, хо, хо! Видалъ?! Дери его кошка! Этотъ,

небось, не выдастъ и не мель не посадитъ! Эй, Владиміръ Дуровъ!.. Тыщу рублей кладу, уступи.

4.

Два года съ огромнымъ успѣхомъ показывалъ я этотъ номеръ.

Команда прекрасно сыгралась.

Дружно и гладко матросы поднимали паруса, распускали тентъ, выволакивали якорь, зажигали фонари; исправно стучалъ краномъ машинистъ и хорошо оріентировались носильщики.

Да и капитанъ! Онъ по прежнему восхищалъ публику своей распорядительностью и импозантностью.

И долго онъ правилъ бы еще судномъ, если бы не погибъ неожиданно и, какъ говорятъ, ни за понюшку табаку, изъ-за сѣрой, ничѣмъ не замѣчательной крысы.

5.

Но кто бы предположилъ, что этотъ мужественный, злой и свирѣпый капитанъ обладалъ сердцемъ такимъ же нѣжнымъ и любящимъ, какимъ было сердце Ромео?!

Я говорилъ уже, что въ цѣляхъ скрещиванія, желая получить тотъ или иной экземпляръ, сажалъ его въ клѣтку къ разнымъ крысамъ.

Однажды я посадилъ его къ сѣрой крысѣ съ бѣ-

лымъ брюшкомъ. Сѣрко привязался къ ней, и она разрѣшилась девятью крысятами—красненькими, голенькими, какъ поросята, величиной въ наперстокъ, съ беззубыми полуоткрытыми ротиками, темными пятнышками вмѣсто глазъ и тоненькими жилками, бьющимися подъ тоненькой кожицей.

Сѣрко былъ трогательнымъ отцомъ—тащилъ въ гнѣздо солому, бумажки, перышки и съ любопытствомъ слѣдилъ, какъ его подруга бережно попеременно беретъ лапками каждаго крысенка, повертитъ имъ, какъ жонглеръ шарикомъ, и быстро облизнетъ его съ носика и до кончика хвоста, какъ леденецъ.

Но она вскорѣ понадобилась мнѣ для каната, и пришлось разлучить ихъ. Сѣрко загрустилъ.

Черезъ нѣкоторое время мнѣ захотѣлось имѣть другіе экземпляры, и я сунулъ опять его къ другой, бѣленькому, кроткому и безобидному существу, альбиноскѣ. Я преслѣдовалъ теперь двоякую цѣль: думалъ, авось, Сѣрко утѣшится.

Она тоже вскорѣ принесла отъ него столько же крысятъ, такихъ же голенькихъ и красненькихъ. Но Сѣрко не только не утѣшился, но загрустилъ сильнѣе.

Слишкомъ прочна была у него привязанность къ первой, и когда альбиноска умерла отъ родильной горячки, завалившись на бочокъ со сложенными на груди лапками, онъ безучастно отнесся къ ея смерти.

И вотъ спустя два года онъ снова встрѣчается съ первой.

6.

Было это въ Ростовѣ или Кронштадтѣ, точно не помню.

Послѣ первыхъ номеровъ моихъ — дрессированной Запятайки, морскихъ свинокъ, муравьѣда, выкатили на арену пароходъ, и, какъ всегда, на немъ заспорилась работа.

Всюду у трюмовъ, на бакѣ, спардекѣ и пристани завозились носильщики; зашипѣлъ и застоналъ паровой кранъ, выдувая клубы пара, матросы пробовали якорь. Поваръ въ бѣленькомъ колпачкѣ часто высовывалъ изъ кухни разгоряченную мордочку, чтобы глотнуть свѣжаго воздуху.

Сѣрко наблюдалъ за всѣмъ со своего мостика.

Раздался протяжный гудокъ; готовились къ отходу.

Артель изъ 20 крысъ бросилась къ сходнямъ.

Но вотъ неожиданно на палубѣ между двумя носильщиками—старой и молодой крысами—изъ-за коробочки съ изюмомъ произошла схватка. Молодая слабо пискнула.

Сѣрко ринулся внизъ. Форменная фуражка съ голуномъ съѣхала у него на бокъ. „Я васъ, дескать, шантрапа, обормоты!..“

Старая благоразумно вильнула въ сторону, молодая же осталась на мѣстѣ.

Сѣрко сначала отъ изумленія опѣшилъ,—дерзость-

то. Но потомъ ощерился. Шерсть у него торчкомъ, клыки—наружу и форрр-фррр! Вотъ-вотъ полетятъ клочья. А та хоть бы повела усикомъ! Зарылась мордочкой въ лапы, смотритъ на него круглыми спокойными глазами и не дышитъ.

Вдругъ онъ перестаетъ фыркать и прячетъ клыки. Оказалось—первая его любовь. Дернуло же меня сунуть ее къ носильщикамъ!

Сѣрко размякъ отъ радости, да и она. Тычутъ другъ въ дружку мордочками и какъ-то особенно попискиваютъ. Совсѣмъ, какъ влюбленные.

Сѣрко забылъ про свои капитанскія обязанности, про отходъ, вкусное молоко въ подзорной трубѣ и подсолнухи, и растерянные матросы не знаютъ—убирать или не убирать якорь.

И вотъ, чтобы представленіе шло своимъ чередомъ, я нарушаю нѣжную идиллію. Беру осторожно двумя пальцами за жирные, раздувающіеся бока не въ мѣру увлеченнаго, пламеннаго капитана и переношу на мостикъ. Но чуть отворачиваюсь, онъ мчится обратно къ ней. Этакая африканская кровь!

Вторично и тѣмъ же манеромъ беру его за бока, и на этотъ разъ водворяю въ его стеклянную каюту, дабы онъ окончательно остылъ.

Пятнистый машинистъ тѣмъ временемъ, присѣвъ на заднія лапки, дергаетъ шнуръ и нажимаетъ на рычажокъ.

Завертѣлся регуляторъ, застукала машина. Бѣготня, шипѣніе, свистъ. Пароходъ заволокло паромъ. Матросы волокутъ изъ воды якорь. И въ этотъ моментъ со звономъ разлетаются дверцы капитанской каюты, которыя я забылъ захлопнуть, и ослѣпленный страстью капитанъ въ третій разъ—скокъ къ своей возлюбленной.

Но, какъ на бѣду, люкъ былъ открытъ. Сѣрко не замѣтилъ его въ облакахъ пара—на полпути и бухъ въ машинную.

Послышался тонкій, слабый пискъ. Машина застопорилась.

Я заглянулъ черезъ люкъ въ машинную. Сѣрко, разбившись, лежалъ на спинкѣ на зубчатыхъ колесахъ съ закрытыми глазами и дергалъ лапками.

Я позвалъ его пискомъ. Онъ отвѣтилъ мнѣ разъ—другой и пересталъ дергаться.

Слезы сдавили мнѣ горло. А публика шумѣла, смѣялась, не подозрѣвая драмы, которая разыгралась передъ нею, и моего горя.

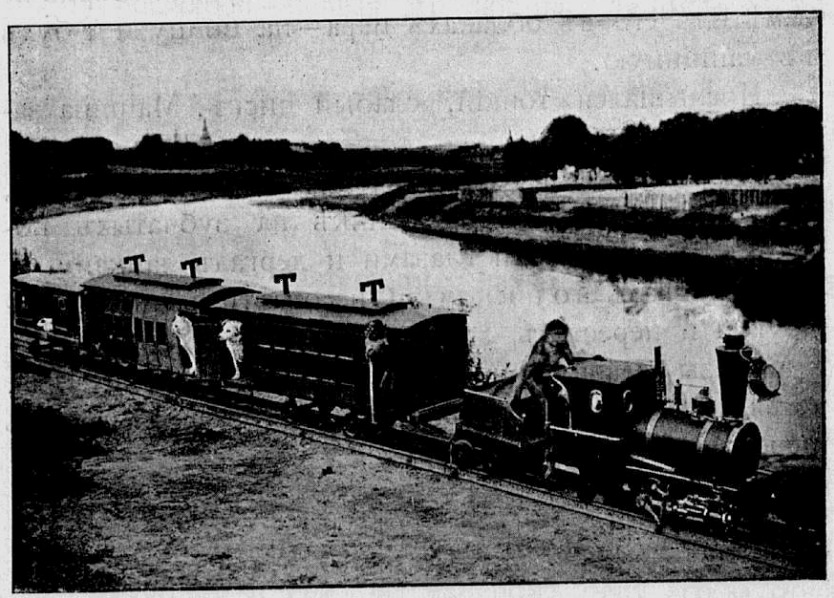
IV.

Обо всѣхъ понемногу.

Кромѣ „Крысъ на пароходѣ“ у меня еще нѣсколько групповыхъ сценъ.

Вотъ какъ въ одномъ журналѣ описывается мой „Поѣздъ“.

„На аренѣ были разложены рельсы, на которые въѣхалъ паровозикъ съ вагончиками. Поѣздъ остановился у станціи и готовился къ отходу. Тутъ со всѣхъ сторонъ посыпались животныя: обезьяны, зайцы, крысы, пѣтухи, утки и другія, которыхъ ужъ не



«Поѣздъ».

припомню. Запамятовалъ я также, кто что исполнялъ. По сигналу начальника станціи открытъ былъ дебаркадеръ вокзала. Началась спѣшка. Публика нервничаетъ, суетится: данъ звонокъ, надо занимать мѣста въ вагонахъ. Кондукторы успокаиваютъ пассажировъ и указываютъ, въ какой вагонъ садиться.

Летятъ и пыхтятъ отъ усталости бѣдные носильщики съ тюками въ рукахъ (т. е. лапахъ). Данъ второй звонокъ. Машинистъ на своемъ посту—на паровозѣ. Начальникъ станціи отдувается и принимаетъ величественный видъ. Проходящіе мимо кондукторы отдаютъ ему честь... Показывается запоздалый пассажиръ и еле успѣваетъ вбѣжать въ вагонъ. Третій звонокъ. Паровозъ даетъ протяжный гудокъ. Поѣздъ медленно трогается. Любопытные пассажиры высовываютъ головы изъ оконъ вагоновъ. Провожающая публика посылаетъ имъ свои послѣднія привѣтствія. Ходъ ускоряется, и поѣздъ, пыхтя и гремя колесами, пропадаетъ въ густомъ дымѣ, вылетающемъ изъ трубы паровоза... Наблюдая это, забываешь, что передъ нами животныя, что и публика, и пассажиры, и кондукторы, и носильщики, и начальникъ станціи—все это только животныя... (Изъ статьи И. А. Левъ въ *«Дѣтскомъ Мірѣ»*—№ 22 за 1909 г.)“.

Была у меня поставлена и сцена экспропріаціи, въ которой участвовало много животныхъ и гдѣ предавался смертной казни пѣтухъ-бунтовщикъ, благополучно здравствующій и понынѣ.

Устраивалъ и концертъ, въ которомъ принимали участіе слонъ, два пеликана, два морскихъ льва и карликъ—бычекъ. Этотъ бычекъ купленъ мною въ г. Егорьевскѣ, Рязанской губ. Рожденъ отъ нормальныхъ родителей. Почти ниже моихъ колѣнъ. Это былъ славный симфоническій концертъ!

Мой индійскій слонъ Бэби изображаетъ парик-

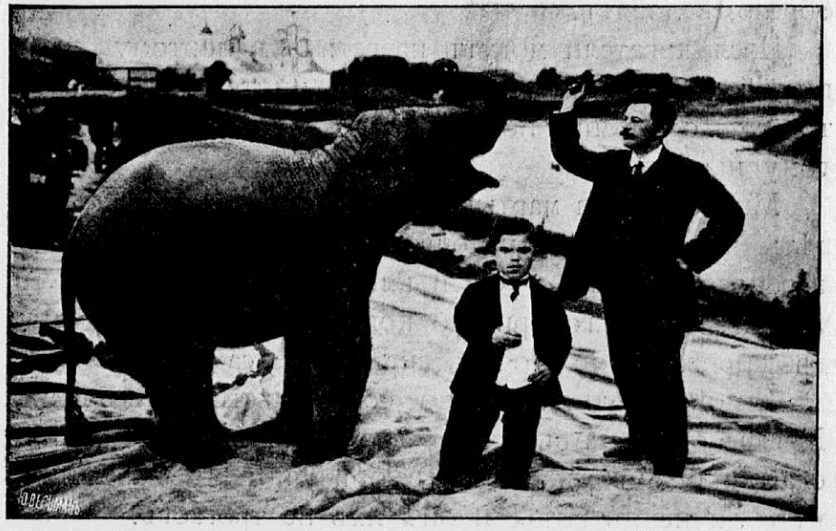
махера, бреетъ Ваньку - Встаньку, намыливаетъ ему лицо. Располагается на ночлегъ. Тушитъ свѣчу на ночномъ столикѣ. Устраиваетъ себѣ постель.

Бычекъ—карликъ.

Онъ очень добродушенъ и незлобивъ.

О слонахъ такъ много писали и пишутъ, что не буду говорить о моемъ Бэби.

Изъ обезьянъ хорошъ стрѣлочникъ Макарка. Въ сценѣ „Поѣздъ“ онъ переводитъ стрѣлку, отдаетъ честь, открываетъ семафоръ, поднимаетъ проволокой фонарь, сушитъ около своей будки бѣлье. Изображаетъ пьяницу, служитъ за кучера въ каретѣ.



Мой слонъ Бэби и Ванька-встанька.

„Кондукторомъ“ служитъ также собакоголовая обезьяна. Она первая выбѣгаетъ изъ вагона, отдаетъ рапортъ начальнику станціи. Перелистываетъ документы. Она же артистически ѣздитъ верхомъ на собакѣ. Беретъ высокіе барьеры.

Достаточно сказаннаго, чтобы убѣдиться, чему можно научить гамадріаса. А между тѣмъ, на волѣ

находятъ очень простой способъ ихъ перехитрить: въ мѣстахъ, гдѣ они водятся, разставляютъ нѣсколько тяжелыхъ узкогорлыхъ кувшиновъ или тыквъ, наполненныхъ изюмомъ. Обезьяны просовываютъ лапы въ узкія отверстія и, когда ихъ накрываютъ, онѣ не разжимаютъ кулака съ изюмомъ, и обезьянъ такимъ образомъ ловятъ.

Изслѣдователи могутъ назвать ихъ поэтому „глупыми", а по-моему, для подобнаго эпитета нѣтъ достаточныхъ основаній, ибо гамадріасовъ можно очень многому научить.

Много у меня мартышекъ. Приходится только жалѣть, что обезьяны недолговѣчны, такъ какъ плохо переносятъ нашъ суровый климатъ...

Мало буду говорить о кошкахъ, ибо ихъ трудно дрессировать: онѣ очень скрытны и самостоятельны.

Я показываю ихъ мирное сожительство съ крысами. Крысы окружаютъ громаднаго кота, нашего, персидскаго или ангорскаго, влѣзаютъ къ нему на спину, чуть ли не въ ротъ, и онъ ихъ не трогаетъ.

Этотъ трюкъ даетъ мнѣ возможность произнести слѣдующее:

— Смотрите, я такихъ непримиримыхъ враговъ, какъ кошка съ крысой, помирилъ, а люди до сихъ поръ помириться не могутъ. Не стыдно ли это намъ!

Изъ хищниковъ я дрессирую медвѣдей, лисицъ, шакаловъ, волковъ, барсуковъ.

Знаменитый Брэмъ указываетъ, какъ на рѣдкость: „Въ берлинскомъ зоологическомъ саду проживали

два барсука, которые обыкновенно привѣтствовали посѣтителя и выпрашивали у него подачки".

У меня жили два барсука, продѣлывавшіе гораздо больше.

Они танцовали на четырехъ лапкахъ. Равномѣрно расходились и опять сходились. У нихъ тогда шерсть вздымалась и они были похожи на сѣрые шары.

Они же перевертывались черезъ голову.

Несмотря на кажущуюся мѣшковатость, очень ловко проходили „ворота" (между ногъ).

Я вынесъ впечатлѣніе, что барсуки по уму стоятъ очень близко къ собакѣ.

Печаленъ былъ ихъ конецъ. Я ѣхалъ на пароходѣ изъ Астрахани въ Нижній. Желая, чтобы они прогулялись по палубѣ, я ихъ выпустилъ изъ клѣтки.

Они своимъ чутьемъ угадали, что недалеко берегъ, лѣсъ; имъ послышался запахъ полей. Обладая очень скверным зрѣніемъ, они вообразили, что вотъ это все рядомъ и бросились за бортъ. Больше не видать ихъ было...

Изъ небольшихъ хищниковъ я дрессирую куницу, соболя, хорька ихневмона (фараонову крысу).

Два хорька. Пристань. У пристани мельница. Хорекъ изображалъ мельника. Таскалъ мѣшки съ мукой. Поджигалъ мельницу, чтобы получить страховую премію. Имѣлъ ехидный характеръ. Какъ и всѣ маленькіе хищники, былъ очень золъ. Когда ему подавалась пища, онъ часто хваталъ за пальцы.

Самка занималась хозяйствомъ. Вытаскивала изъ

колодца ведро воды посредствомъ деревенскаго „журавля“...

Брэмъ говоритъ: „Путемъ приученія и дрессировки можно многаго добиться *даже* (это „даже“ мнѣ кажется лишнимъ) и отъ хорька“.

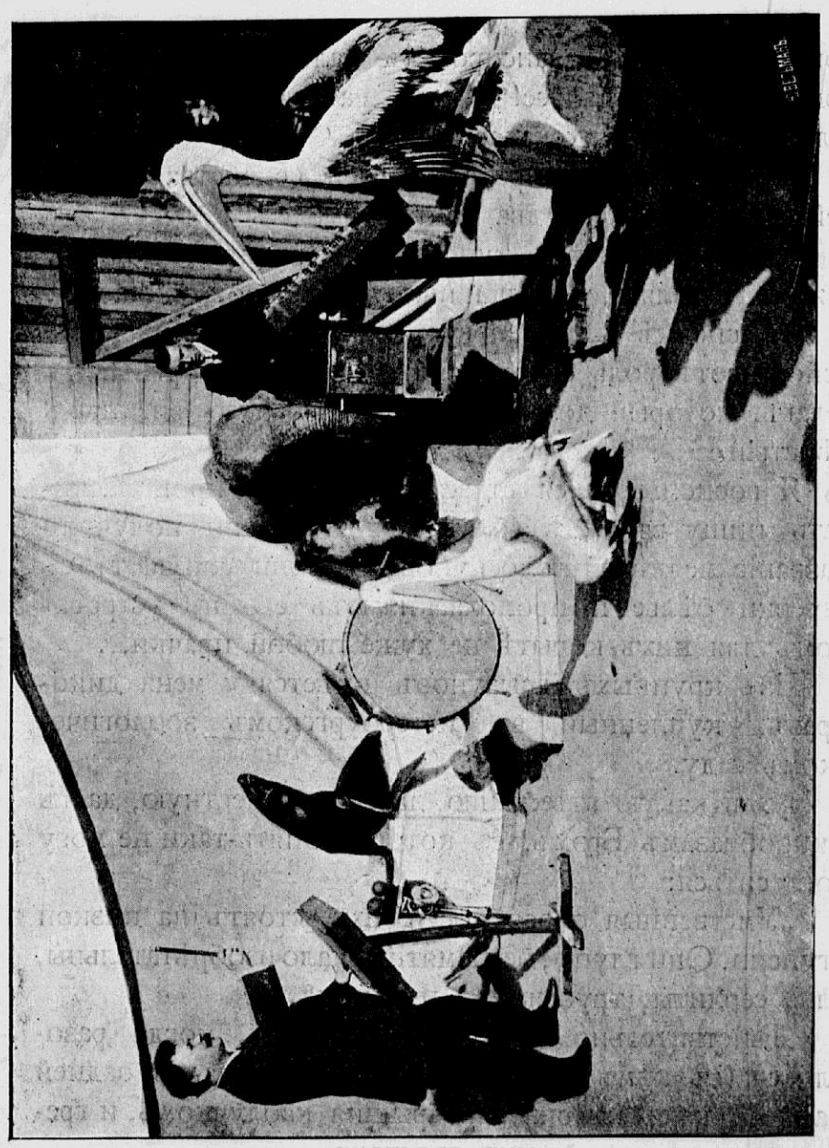
Въ другомъ мѣстѣ Брэмъ говоритъ относительно маленькаго южно-американскаго медвѣжонка—носухи:

„Носуху почти ни къ чему нельзя пріучить. Ренггеръ видѣлъ одну, которая, по приказанію хозяина, служила, какъ пудель, и падала на землю, услышавъ звукъ, подражавшій выстрѣлу; но подобныя штуки—исключеніе изъ общаго правила“.

На заднія лапки носухи очень часто по своей волѣ, становятся, какъ это дѣлаютъ наши сурки, хомяки, сулики, крысы.

Я пріобрѣлъ носуху въ Берлинѣ, въ зоологическомъ магазинѣ. Она оказалась очень быстрымъ и подвижнымъ звѣркомъ, хотя и коварнымъ: просовывая свой длинный, тонкій носикъ въ мой рукавъ, онъ дѣлалъ видъ, что ласкался, но временами пытался укусить и спрыгивалъ тогда на полъ.

Моя носуха ходила (а не только стояла) на заднихъ лапкахъ. Подавала лапочку. Перелистывала книжку съ толстыми картонными листами своимъ тонкимъ носикомъ отъ начала до конца впередъ и назадъ, не пропустивъ ни одного листа, и затѣмъ закрывала книжку. Раскачивалась на трапеціи и прыгала съ трапеціи на трапецію. Быстро влѣзала на площадку, прикрѣпленную къ верхнему концу бамбу-



На репетиціи.

ковой палки. Я балансировалъ палкой и при этомъ кричалъ ей: „вальсе!“ Она вальсировала и, при шлепкѣ рукой, спускалась внизъ.

Изъ маленькихъ представителей семейства медвѣдей живутъ у меня два енота.

Это — московскіе купецъ и купчиха. Сидятъ, важно развалясь, у стола и пьютъ изъ самоварчика чай.

Въ сценкѣ „Война гусей съ поросятами“ они исполняютъ роль сторожей и отважно вздергиваютъ флагъ, который долженъ означать начало военныхъ дѣйствій.

Я воспользовался страстью енотовъ прополаскивать пищу въ водѣ (благодаря чему они получили названіе медвѣдей-полоскуновъ), и они снимаютъ съ веревки бѣлье и прополаскиваютъ его въ устроенномъ для нихъ корытѣ не хуже любой прачки...

Изъ крупныхъ грызуновъ имѣется у меня дикобразъ, купленный въ петербургскомъ зоологическомъ саду.

Вотъ какую аттестацію, далеко не лестную, даетъ дикообразамъ Брэмъ, съ которой опять-таки не могу согласиться:

„Умственныя способности ихъ стоятъ на низкой ступени. Они глупы, безпамятны, мало изобрѣтательны, злы, сердиты, трусливы и пугливы“.

Дѣйствительно, и мой дикообразъ, когда разозлится (съ кѣмъ этого не бываетъ!), топаетъ задней лапкой, какъ капризная барышня каблучкомъ, и гремитъ своимъ иглистымъ хвостомъ.

Но зато Ташкѣ (такъ зовется мой дикобразъ) рѣшительно нельзя отказать въ понятливости.

Она танцуетъ очень плавно вальсъ. Играетъ на

«Кладбище».

инструментахъ. Перелистываетъ книгу. Опускаетъ флагъ. Стрѣляетъ изъ пушки, доказывая этимъ, несмотря на сильный пушечный выстрѣлъ, свое, если хотите, безстрашіе.

Когда я почесываю моего дикобраза за ушкомъ, слегка покрытымъ жировыми отложеніями, онъ, какъ бы въ знакъ благодарности, долго лижетъ мнѣ руки своимъ шершавымъ языкомъ и даетъ мнѣ спокойно гладить себя вдоль острыхъ иглъ.

Дикобраза можно содержать въ неволѣ въ теченіе 8—10 лѣтъ. Приводятъ даже примѣръ, что онъ прожилъ въ неволѣ 18 лѣтъ. Дурного обращенія не выноситъ.

Зубы его настолько сильны, что онъ можетъ перегрызть ими даже толстую проволоку.

Передъ клѣткой моего дикобраза постоянно публика. Видъ этого животнаго для насъ, дѣйствительно, нѣсколько необыкновененъ. Даже въ Италіи ходятъ съ прирученными дикобразами изъ деревни въ деревню и показываютъ этого страннаго звѣря.

Исполняютъ у меня много „номеровъ“ и мелкіе грызуны: морскія свинки, сурки, зайцы, кролики.

И насѣкомоядныя животныя имѣютъ у меня своихъ представителей.

Вотъ ежи.

Когда-то они исполняли большую „Ежовую комедію“ подъ названіемъ: „Ба, знакомыя все лица“.

Было ихъ штукъ 30. Пойманы молодыми. Взрослые пугаются и сразу свертываются.

Я ихъ самъ кормилъ; поэтому они ко мнѣ привыкли и не пытались свертываться въ клубокъ.

Самый талантливый изъ этой компаніи игралъ на музыкальномъ ящикѣ-симфоніонѣ, причемъ, подъ конецъ, пріучился къ тому, что крутилъ валъ кругомъ оси нѣсколько десятковъ разъ кряду.

Изъ травоядныхъ у меня жили и живутъ верблюды, ослы, лошади, олени, кавказскіе джейраны, кавказскіе туры (каменные козлы), бараны.

Козелъ Василій Васильевичъ вскакивалъ на бочку, вилялъ по командѣ хвостикомъ, прыгалъ мнѣ на спину, снималъ цилиндръ съ моей головы, ловко ходилъ по канату, игралъ на гитарѣ. Онъ былъ очень ко мнѣ привязанъ.

Кромѣ морскихъ львовъ, у меня жило другое ластоногое—каспійскій тюлень. Пойманъ былъ въ Астрахани совсѣмъ маленькимъ въ рыболовныхъ садкахъ. Милое животное, хотя мало впечатлительное и далеко не такое подвижное, какъ морской левъ.

Прибѣгалъ на звонокъ. Игралъ на инструментѣ. Стрѣлялъ. Катался на коврѣ.

Птицы.

Орелъ по свистку слеталъ и садился ко мнѣ на руку.

Садился на дуло ружья. Происходилъ выстрѣлъ. Орелъ его не пугался и продолжалъ сидѣть. Все-таки много времени прошло, пока онъ ко мнѣ привыкъ.

Поддаются моей дрессировкѣ и другія хищныя птицы: совы, филины.

Хищный воронъ очень ясно и отчетливо говоритъ въ двухъ интонаціяхъ: „кто тамъ?“ Его можно назвать россійскимъ попугаемъ!

Онъ различаетъ цвѣта. Я ставлю передъ нимъ коробочку съ тремя отдѣленіями. Въ каждомъ изъ

отдѣленій лежитъ по платку. Всѣ три платка разныхъ цвѣтовъ: бѣлаго, чернаго и краснаго. Я приказываю ворону принести мнѣ платокъ такого-то цвѣта и онъ мнѣ приноситъ.

Долженъ сказать, что для меня не совсѣмъ ясно, различаетъ ли воронъ, въ дѣйствительности, цвѣта, или здѣсь большую (если не исключительную) роль играетъ интонація моего голоса. Наименованіе всѣхъ трехъ цвѣтовъ я произношу различной интонаціей.

Въ самые послѣдніе годы начали производить опыты, которые должны показать, различаютъ ли птицы (и вообще животныя) цвѣта.

Проф. Гессъ помѣщалъ голодныхъ куръ въ темную, комнату, на полу которой были насыпаны зерна. Куры начинали клевать эти зерна лишь тогда, когда данная часть пола освѣщалась лучомъ свѣта; при этомъ, они слѣдовали за перемѣщавшимся лучомъ. Гессъ постепенно, но довольно быстро уменьшалъ интенсивность свѣта—куры продолжали клевать. Онѣ различали зерна при столь же слабомъ свѣтѣ, какъ и самъ экспериментаторъ, находившійся въ той же комнатѣ. Такимъ образомъ, оказалось, что степень приспособленія этихъ птицъ къ той или иной интенсивности свѣта не меньше, чѣмъ у человѣка; но, какъ мы увидимъ ниже, предѣлы различимаго спектра у птицъ у́же, чѣмъ у насъ. Когда Гессъ освѣщалъ лучами спектра разсыпанныя на черномъ полу зерна, то куры начинали клевать, прежде всего, лежавшія въ красной полосѣ и потому казавшіяся имъ красными.

Съѣвъ эти зерна, онѣ переходили къ зернамъ, находившимся въ желтой полосѣ, затѣмъ въ зеленой, но здѣсь останавливались.

Для того, чтобы онѣ перешли къ зернамъ зеленовато-синей и синей полосъ, нужно было значительно увеличить интенсивность спектра. Но никакое увеличеніе силы свѣта не открывало курамъ зеренъ, находившихся въ фіолетовой полосѣ: онѣ совершенно не видѣли этихъ фіолетовыхъ зеренъ.

Такой же результатъ получился и при соотвѣтственныхъ опытахъ надъ голубями.

И мой воронъ также не бралъ фіолетоваго платка, когда я его клалъ въ коробочку. Но опять-таки долженъ сказать, что къ вопросу, различаютъ ли животныя цвѣта, слѣдуетъ подходить съ большой осторожностью.

Изъ моихъ птицъ-говоруновъ могу еще отмѣтить бѣлаго австралійскаго какаду, который въ состояніи произносить много словъ, самъ поетъ пѣсенку и танцуетъ подъ собственную пѣсню.

Хотя лучшими говорунами считаются сѣрые попугаи, но мой Попка имъ не уступитъ...

Попка отличный мимикъ. Когда хохочетъ, онъ подражаетъ движеніямъ смѣющагося человѣка: закидываетъ головку. Подражая ругани женщины, онъ распускаетъ свой желтый хохольчикъ и размахиваетъ головкой.

Стучитъ клювомъ и самъ сейчасъ же спрашиваетъ:

„Кто тамъ?“ и подражаетъ скрипу открывающейся двери.

Изъ голенастыхъ имѣются у меня журавли и цапли.

Когда журавли долго стоятъ въ клѣткѣ, а потомъ ихъ выпускаютъ, то они сейчасъ же начинаютъ разминать крылья, словно танцуютъ.

Я подмѣтилъ эту ихъ особенность и пріучилъ одного журавля танцовать: я игралъ на дудочкѣ, а журавль комически кружился.

Далѣе мнѣ хотѣлось устроить кадриль. На репетиціи я выпустилъ четырехъ голенастыхъ танцоровъ. Затѣя налаживалась. Но въ циркѣ была парусиновая крыша, въ которой оказалось довольно большое отверстіе. Три журавля вспорхнули и улетѣли. Остался только Журка, который ко мнѣ очень привязанъ...

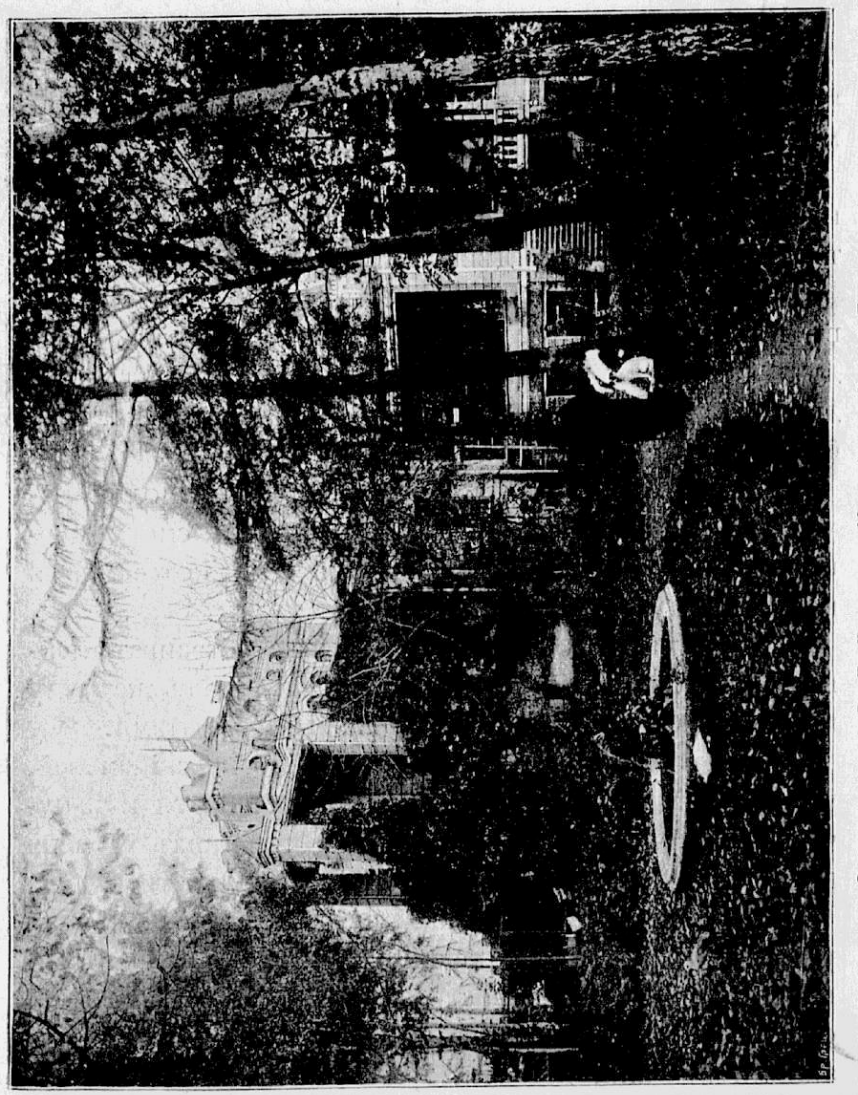
Цапля у меня шествуетъ по желѣзнодорожному пути и изображаетъ драматическаго актера, возвращающагося съ плохихъ заработкомъ по шпаламъ.

Къ числу моихъ пернатыхъ танцоровъ слѣдуетъ еще присоединить и одного изъ моихъ пеликановъ (птица-баба), подражающаго босоножкѣ миссъ Дунканъ.

Изъ морскихъ птицъ у меня дрессированы бакланы, чайки.

Самое живое и дѣятельное участіе въ моихъ представленіяхъ принимаютъ наши домашнія птицы: куры, гуси, утки, индюки, павлины.

Голуби выполняютъ у меня сальтомортале въ воздухѣ: перевертываются нѣсколько разъ на лету...



Садъ при домѣ В. Л. Дурова въ Москвѣ, на Старой Божедомкѣ.

Изъ пресмыкающихся я дрессирую змѣй...

Въ этомъ моемъ очеркѣ я говорилъ о моихъ животныхъ (далеко не всѣхъ) понемногу. Въ большой моей книгѣ надѣюсь разсказать о нихъ подробно.

А эту большую книгу я издамъ тогда, когда моя идея, которую я всю свою жизнь лелѣялъ, превратится, наконецъ, въ дѣйствительность.

Она уже начинаетъ осуществляться. Я пріобрѣлъ въ Москвѣ владѣніе, гдѣ мои друзья-животныя найдутъ уютные уголки, гдѣ они лѣтомъ, послѣ трудовъ своихъ, найдутъ въ саду обстановку, которая будетъ имъ напоминать жизнь на волѣ.

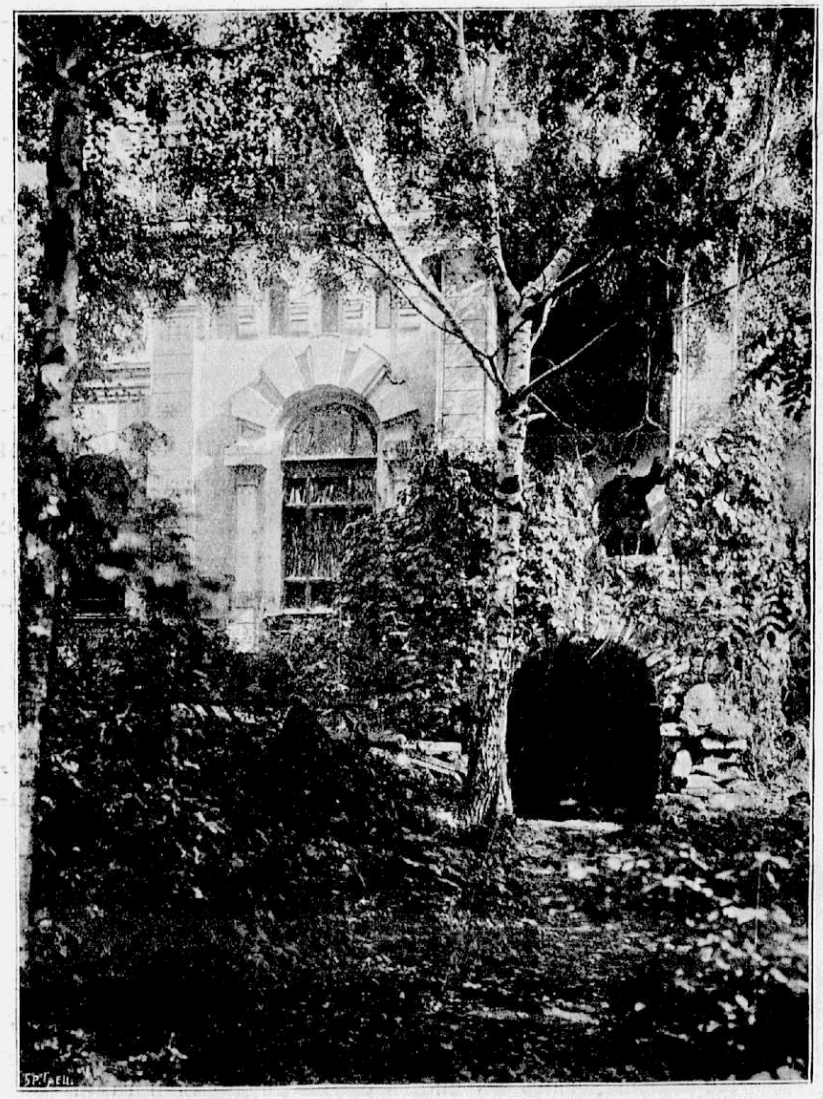
Тогда я смогу поставить правильно и вполнѣ научно свои наблюденія надъ животными, смогу провѣрить съ точностью тѣ выводы, къ которымъ я пришелъ.

Въ залахъ моего дома я разсчитываю устраивать лекціи и собесѣдованія по зоопсихологіи и тутъ же буду подкрѣплять свои положенія разными опытами.

Будетъ мною также устроенъ зоологическій музей, понятно въ миніатюрѣ, который составится изъ чучелъ многихъ моихъ животныхъ, жившихъ у меня въ теченіе десятковъ лѣтъ моей дѣятельности.

За художественное и научное изготовленіе чучелъ ручается имя моего двоюроднаго брата Владиміра Геннадьевича Дурова, дѣйств. члена Имп. Об-ва люб. естеств., антр. и этногр.; дѣйств. члена Имп. Об-ва аккклиматизаціи животн., растеній и др. уч. Об-въ.

Тогда предо мной воскреснетъ міръ моихъ покой-



Балконъ и гротъ въ домѣ В. Л. Дурова со стороны сада.

ныхъ звѣрковъ, и въ памяти моей всплыветъ многое изъ ихъ жизни, о чемъ я подробно и систематически надѣюсь разсказать.

Постиженіе внутренняго міра животныхъ пополняетъ внутренній міръ человѣка.

Полюбите животныхъ, присмотритесь къ ихъ жизни, разгадайте тайники ихъ души, и когда присмотритесь, когда разгадаете, то полюбите и человѣка тою любовью, которая краситъ жизнь и создаетъ радость бытія.

И когда отъ изученія животныхъ вы захотите подойти къ ихъ обученію, т. е. еще ближе подойти къ ихъ психической жизни, то подходите къ нимъ, какъ подскажетъ вамъ вашъ опытъ, ваше природное умѣніе улавливать внутреннее „я“ каждой твари, только не бейте! Этимъ вы заглушите добрые инстинкты и подготовите почву для развитія злыхъ.

Относитесь любовно къ животнымъ!

Тѣмъ же, которые высокомѣрно утверждаютъ, что съ животными можно дѣлать все, что угодно, что на то они и животныя, я отвѣчу тѣмъ, чѣмъ начинаю всегда свои представленія:

... Начну играть
Съ моими безсловесными друзьями,
Съ четвероногими артистами—скотами.
На четырехъ ногахъ живутъ они весь вѣкъ,
Звѣрьми презрительно зоветъ ихъ человѣкъ,
Но звѣрства въ нихъ, скажу вамъ между нами,
Не больше, чѣмъ въ иномъ скотѣ съ двумя ногами!

СОДЕРЖАНІЕ

	Стр.
Вступленіе	5
Собаки	13
Свиньи	35
Морскіе львы	46
Страусъ	55
Крысы	59
Обо всѣхъ понемногу	73